№ 2. БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

Б-892

279567

В. В. Брусянинъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

МОСКВА
КН-ВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912

ФОНД

652 -
р.о 30.04.75 8-71
10.09.40 г/з
279567
г. з. 24/187-2
19.06.84 8-303 4343
г. з.
р/о 9.02.90 9662 г. 5

...ВЪ САРАН...

89г
89.

В. В. БРУСЯНИНЪ.

8(с)Р(092)
Б89

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.

УРАЛЬСКІЕ ОБЛАСТНЫЕ КУРСЫ
Шифръ
Инвент. № 4711
БИБЛІОТЕКА
Уральский государственный университет
им. А.М. Горького
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск
ПРОВЕРЕНО
19 г.

МОСКВА
КН-ВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

ИЖЕВСКО-ЗАРЪЧЕНСКАЯ
ИМЕНИ М. М. СИНЦОВА
ЗЕМСКАЯ
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

На обложкѣ книги С. Яремича „М. А. Врубель“ можно прочесть красивый и глубокій афоризмъ: „Жизнь скована — искусство свободно“. Немного вычурная для этой простой и глубокой мысли, но красивая тѣневая виньетка, какъ кольцо съ колоссальнаго пальца большого человѣка, высказавшаго эту простую и большую мысль, окружаетъ темнаго парящаго орла... Сильный, смѣлый орелъ несетъ большую мысль къ небу. Такъ и хочется остановить царственную птицу и крикнуть ей: „не уноси большой мысли къ безлюдному небу, она нужна на землѣ, такъ тѣсно переполненной людьми, скованными жизнью!“

„Жизнь скована—искусство свободно“... Хочется начертать этотъ же афоризмъ на обложкѣ книги о Леонидѣ Андреевѣ. Жизнь его скована, ибо онъ человѣкъ земли, въ искусствѣ онъ силится освободить себя ради свободы человѣка...

„Жизнь скована—искусство свободно“...

I.

Помнится, былъ жаркій іюльскій полдень. На обширной террасѣ андреевской дачи шумно и весело. Обѣдъ съ шумнымъ, веселымъ говоромъ конченъ. Принесли почту. Хозяинъ занялся чтеніемъ личной корреспонденціи, гости расхватали газеты и журналы. Кто-то изъ присутствующихъ прочелъ вслухъ сообщеніе одной изъ петербургскихъ газетъ о томъ, что Леонидъ Андреевъ «заболѣлъ на нервной почвѣ» и при этомъ добавлялось, что «близкіе и друзья писателя встревожены исходомъ болѣзни».

Совершенно здоровый, веселый и всегда почти оптимистически настроенный Леонидъ Николаевичъ прочелъ сообщеніе досужаго интервьюера, загоготалъ веселымъ, здоровымъ хохотомъ и съ шутливой улыбкой на глазахъ, обратился къ присутствовавшимъ:

— Господа, очень прошу васъ, разсказывайте всѣмъ, что вы видѣли меня сумасшедшимъ... За обѣдомъ я рычалъ, какъ песъ, грызъ куриныя кости и послѣ обѣда рычалъ и въ иступленіи бѣгалъ за вами...

И веселый и жизнерадостный въ домашней обстановкѣ хозяинъ припомнилъ образцы корреспондентскихъ сообщеній о томъ, какъ живетъ и работаетъ Леонидъ Андреевъ.

Обширная дача его на берегу Черной рѣчки оказалась «мрачнымъ замкомъ съ бѣлыми колоннами и на самомъ берегу моря», а на самомъ дѣлѣ она въ разстояніи двадцати минутъ пути отъ берега. «Мрачный замокъ» съ «мрачными ступенями лѣстницы, въ духѣ картинъ Беклина, и башня съ какими-то бойницами и обвитая вьющимися растеніями на стѣнахъ». Посѣтителей-интервьюеровъ и гостей «встрѣчаетъ черноликій арапъ». Писалось даже и о томъ, что на дачной башнѣ «совершается что-то таинственное», а самъ писатель «начинаетъ и заканчиваетъ свои произведенія въ какой-то особенной таинственной обстановкѣ обширнаго кабинета» и т. д. и т. д.

Образцовъ корреспондентскихъ сообщеній немало, и трудно сказать, ради чего усердные въ своихъ преувеличеніяхъ газетные репортеры отплачиваютъ такой странной монетой за гостепріимство писателя. О жизни Леонида Андреева пишутъ, какъ о какой-то «вымышленной жизни» по рецепту Марселя Швоба, не говоря уже о томъ, какъ много разнаго вздора, сообщалось и о творчествѣ писателя.

Образцы корреспондентскихъ сообщеній о «вымышленной жизни» писателя, къ сожалѣнію, нашли откликъ и въ вымыслахъ нѣкоторыхъ серьезныхъ критиковъ произведеній Леонида Андреева. Разсказъ «Бездна» въ свое время

вызвалъ цѣлую обличительную литературу, и Андреева провозгласили порнографомъ. Послѣ появленія «Саввы» писателя объявили анархистомъ. «Жизнь человѣка» вдругъ по волѣ критиковъ метнула писателя въ лагерь апологетовъ мѣщанства. «Отчужденность, обособленность, одиночество героевъ Андреева нужно объяснить, конечно, психологіей этой мѣщанской среды, и съ другой стороны,—очевидно и психологіей самого автора»,—писалъ, напримѣръ, г. Арабажинъ («Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества», стр. 89-я). О мѣщанствѣ Андреева писали Мережковскій, Луначарскій, М. Морозовъ и друг. Въ «Царѣ-Голодѣ» и въ «Разсказѣ о семи повѣшенныхъ» была усмотрѣна «несомнѣнная реакціонность» Л. Андреева. Въ авторѣ «Мои записки» усмотрѣли апологета тюремной желѣзной рѣшетки. Наблюдались и такія странныя совпаденія: А. Тришатный въ «Рус. Знамени» писалъ объ Андреевѣ, что онъ «восхваляетъ измѣну и предательство», когда появился въ печати «Іуда Искаріотъ», а г. Арабажинъ писалъ: «Попытка реабилитаціи предательства оказалась неудачной, полной софизмовъ красно произнесенной адвокатской рѣчи». (стр. 155). Всю многолѣтнюю литературную дѣятельность Андреева называли «отравленной литературой» (Марковъ, С.), называли его «литературнымъ Мейерберомъ» (Амфитеатровъ) и величали то «Великимъ инквизиторомъ», то «Богоборцемъ» (Боцяновскій) или человѣкомъ «маніи величія» (Философовъ). Находили Андреева «отрицателемъ жизни», называли чело-

вѣкомъ «трагической красоты» и писателемъ «въ обезьяньихъ лапахъ»... К. Левинъ спрашивалъ Андреева: «А гдѣ же Христосъ?», а критикъ газеты «Вѣче» писалъ примѣнительно къ Андрееву о томъ, «какъ теперь прохвосты дѣлаются знаменитостями». Врачи псахіатры находили «болѣзненныя черты творчества Андреева» (Езерскій) и «психопатическія черты въ его произведеніяхъ» (Муморцевъ). И почти одновременно со всѣмъ этимъ проф. Рейснеръ примѣнительно опять таки къ тому же Андрееву писалъ: «...если мы дѣйствительно желаемъ заглянуть въ тайники рожденія идеи изъ общественнаго бытія, мы должны обратиться прежде всего къ художникамъ и поэтамъ, пророкамъ и демагогамъ, и у нихъ искать данныхъ для разрѣшенія основной соціологической проблемы» («Л. Андреевъ и его соціальная идеологія», стр. 9-я). Критикъ К. Чуковскій въ одной изъ своихъ брошюръ о Л. Андреевѣ собралъ ---цѣлый словарь ругательствъ по адресу писателя, а самъ писалъ о немъ, какъ о «геніи афишнаго искусства».

И всѣ тѣ метаморфозы, о которыхъ мы упомянули, приписывались Андрееву на протяженіи трехъ-четырехъ послѣднихъ лѣтъ дѣятельности. И далеко не всѣ авторы критическихъ толкованій произведеній писателя не выходили изъ рамокъ нормальнаго критическаго анализа.

— Удалился ты, Леонидъ, отъ литературныхъ кружковъ, вотъ тебѣ за это и попадаетъ, вставилъ однажды замѣчаніе одинъ изъ близкихъ писателю.

Въ этомъ замѣчаніи несомнѣнная доля правды. Аналогичные примѣры на лицо. Ясснополянское затворничество Льва Толстого было обставлено фантастическими сообщеніями въ продолженіи не одного десятка лѣтъ. А что писалось объ уединеніи Чехова? А что пишутъ до сего дня о Горькомъ?..

Удаленіе Андреева отъ литературныхъ кружковъ и кажущееся равнодушіе писателя къ «общественности»—результатъ глубокихъ психологическихъ переживаній. Это не капризъ и не жестъ высокомѣрія «зазнавшагося писателя». Это—потребность его творчества. Это выборъ между городомъ и деревней, удаленіе, но не отрѣшеніе отъ общественной работы ради непосредственнаго общенія съ тѣми художественными образами и идеями, которыми, въ зависимости отъ свойствъ таланта, окруженъ Л. Н. Андреевъ.

— Городъ, это—внѣшній шумъ жизни, зрѣлища, повседневная жизнь литературныхъ, общественныхъ, политическихъ кружковъ. Деревня—уединеніе ради аналитической и синтетической работы надъ готовымъ матеріаломъ,—говорилъ Леонидъ Николаевичъ и добавлялъ:—Есть два рода писателей: *золотоискатели*, которые роются въ шахтахъ и розсыпяхъ жизни—и тамъ добываютъ слитки человѣческой жизни, и есть —*ювелиры*, которые только отдѣлываютъ готовое... Я—ювелиръ писатель...

Въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ Андреевъ писалъ о городскихъ обывателяхъ: «это люди, которые не любятъ природы и не лю-

бять жизни, потому что нельзя любить жизнь, оставаясь равнодушнымъ къ солнцу, синему небу, всей божественной красотѣ міроздапія». (т. I, стр. 56-я).

И въ серіи другихъ очерковъ и разсказовъ, относящихся къ различнымъ періодамъ литературной дѣятельности, Андреевъ останавливается на подробностяхъ городской жизни, проклиная городъ и его жизнь проклятіемъ звѣря, самымъ ужаснымъ проклятіемъ... Въ разсказѣ «Городъ», написанномъ въ 1902 г., находимъ такія строки:

«Огромный городъ сталъ еще больше, и тамъ, гдѣ широко разстилалось поле, неудержимо протягиваются новыя улицы, и по бокамъ ихъ толстые, распертые, каменные дома грузно давятъ землю, на которой стоятъ. И къ семи бывшимъ въ городѣ кладбищамъ прибавилось новое, восьмое. На немъ совсѣмъ нѣтъ зелени и пока на немъ хоронятъ только бѣдняковъ». (т. III, стр. 164).

Особенно страшна эта городская подробность: на кладбищѣ нѣтъ зелени и на немъ пока хоронятъ бѣдныхъ. Кладбище—апофеозъ города! А черезъ пять лѣтъ (1907 г.) городъ предстаетъ Андрееву кладбищемъ духа: «Дверей много, а выхода нѣтъ—такъ кажется моей душѣ, когда попадаетъ она въ городъ, гдѣ въ каменныхъ клѣткахъ, поставленныхъ одна на другую, живутъ городскіе люди. Потому что всѣ эти люди обманъ! Когда откроешь одну, за ней стоитъ другая; и когда откроешь эту, за ней видна еще и еще; и сколько бы ты ни шелъ по городу, вездѣ ты увидишь двери обма-

нутыхъ людей, которые входятъ и уходятъ. Но я боюсь города, его каменныхъ стѣнъ и людей его, у которыхъ маленькія, сжатыя, кубическія души, имѣющія такъ много дверей и ни одного свободнаго выхода». («Прокл. Зѣвря», стр. 231, т. 6).

Но, уходя отъ города и проклиная его, какъ самаго яркаго выразителя противорѣчій жизни, Леонидъ Андреевъ не забываетъ, что и у этого города можетъ быть свое интересное будущее. Въ «Царѣ-Голодѣ» эти противорѣчія обнажаются и даютъ въ результатѣ бунтъ голодныхъ.

Уже и эти одни соображенія показываютъ, какой сложный процессъ духа пережилъ Андреевъ, оставляя Петербургъ, гдѣ онъ послѣднимъ, передъ самымъ отъѣздомъ на Черную рѣчку, написалъ свое «Проклятіе Звѣря».

„Я—ювелиръ писатель“, говоритъ о себѣ Андреевъ. Это самоопредѣленіе имѣетъ свою интересную исторію. Просмотрите первые три тома его разсказовъ и начало четвертаго, и вы увидите, что въ первый періодъ литературной дѣятельности Андреевъ имѣлъ непосредственное общеніе съ «шахтами» и «розсыпями» жизни. Въ обширной серіи разсказовъ, начиная съ «Большого Шлема» и кончая «Губернаторомъ», Леонидъ Андреевъ является золотоискателемъ. Но въ эту же серію включены и такіе разсказы, какъ «Мысль», «Жизнь Василія Фивейскаго», «Призраки», «Красный смѣхъ», въ которыхъ писатель проявилъ себя уже какъ ювелиръ. Осенью 1905 г., мѣсяца за два до московскаго возстанія, Андреевъ пишетъ разсказъ «Такъ

было», отликнувшись на событія дня синтезомъ революціи. Только что написанный тогда разсказъ былъ прочтенъ авторомъ среди товарищей на одной изъ литературныхъ «средъ», и я помню, съ какимъ смятеннымъ чувствомъ ожиданія ѣхали мы по московскимъ улицамъ къ тому дому, гдѣ предполагалось чтеніе разсказа. Улицы были пустынны, въ домахъ горѣли робкіе огни, а мимо каменныхъ и деревянныхъ домовъ разъѣзжали патрули, и на углахъ стояли городовые по двое... И я помню, какимъ противорѣчіемъ въ настроеніи слушателей отозвались послѣднія заключительныя строки этого разсказа: «такъ было—такъ будетъ»...

Такъ будетъ: люди побѣдятъ своего короля и надъ его могилой будутъ кричать: «Да здравствуетъ Двадцать Первый!.. «И я помню, многіе изъ слушавшихъ разсказъ накинулись на автора: зачѣмъ онъ попытался развѣять иллюзіи, которыми мы въ то время жили... И я не могу забыть, съ какой печалью въ глазахъ на блѣдномъ лицѣ защищалъ свое невѣріе Андреевъ. Онъ намъ говорилъ: пройдите чрезъ свое невѣріе, преодолѣйте его, чтобы остаться жить и вѣрить. Пессимизмъ Андреева того времени являлся для насъ противоядіемъ тому пессимизму, которымъ было охвачено русское общество въ годы разрухи. За годъ до 1905 г. Андреевъ писалъ: «Сейчасъ пѣсенка пессимизма спѣта, и какія бы новые мотивы для нея ни придумывали, они даже въ исполненіи величайшаго артиста прозвучатъ фальшью. Я имѣю въ

виду, конечно, не научный пессимизмъ, далекій отъ жизни, а пессимизмъ обывательскій, отъ котораго мухи дохнутъ».

Мы умышленно нѣсколько дольше остановились на вопросѣ о пессимизмѣ Леонида Андреева. Большинство критиковъ закрѣпили за нимъ славу носителя пессимизма, но критики эти не всегда устанавливали ясно, какой пессимизмъ они имѣютъ въ виду, пришивая его къ имени писателя, часто, какъ ярлыкъ реакціонности. Но такъ же легко было бы снять съ Андреева и подозрѣнія въ реакціонности, если разобраться въ тѣхъ художественныхъ воплощеніяхъ, которыя легли основою въ пьесы «Къ звѣздамъ» и «Савва» и въ разсказы «Іуда Искаріотъ», «Елеазаръ», «Тьма» и «Разсказъ о семи повѣшенныхъ».

II.

Когда появились «Черныя маски», многіе критики начали заживо хоронить ихъ автора какъ это дѣлали они съ Горькимъ послѣднихъ лѣтъ. «Анатема» и «Океанъ» были встрѣчены съ неменьшимъ недоумѣніемъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ сказать Андреевъ этими произведеніями? спрашивали критики всѣхъ школъ и направленій въ одинъ голосъ. Но было бы, конечно, страннымъ, если бы авторъ снабжалъ свои произведенія соотвѣтствующими комментаріями. Посмотримъ, что говоритъ писатель о себѣ, вскрывая сущность своихъ творческихъ замысловъ.

— Въ красочной, но слишкомъ опредѣленно русской Москвѣ я не могъ бы написать «Черныя маски»,—говоритъ писатель:—Чтобы свободнѣе писать о «внѣвременномъ» и «внѣпространственномъ», я самъ долженъ быть внѣ времени и пространства, а для этого и нужно деревенское уединеніе. Здѣсь я создалъ для себя обстановку, чуждую вліянія среды, мысли отдалъ пространству... Я хочу думать о русскомъ, римлянинѣ, испанцѣ... вообще о человѣкѣ... Я низко ставлю матеріальный нарядъ человѣка и беру человѣка въ его духовной сущности, и ищу истинность человѣческой жизни...

Это самоопредѣленіе Андреева весьма существенный пунктъ отправленія при опредѣленіи писательской сущности нашего автора. Исторія всемірной литературы знаетъ такую аналогію. Въ статьѣ Ф. Ницше «О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни» имѣются такія строки:

«Гете говорилъ гдѣ-то о Шекспирѣ: Никто не ставитъ такъ низко матеріальнаго наряда, какъ онъ; онъ отлично знаетъ внутренній человѣческій нарядъ, а въ этой области всѣ похожи другъ на друга. Говорятъ, что онъ хорошо изобразилъ римлянъ: я этого не нахожу, его римляне, по моему мнѣнію, всѣ кровные англичане, но они, конечно, люди, — люди до мозга костей и, какъ таковымъ, имъ можетъ быть впору и римская тога». (Ф. Ницше. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 126-я).

Человѣкъ и его духовный нарядъ—вотъ что привлекаетъ писателя, и эта особенность и

должна быть отправной точкой зрѣнія для его критиковъ. Замѣчательно, что еще съ дѣтскихъ лѣтъ человѣкъ и его духовная сущность стали привлекать вниманіе Андреева. Въ дневникѣ гимназиста Андреева отъ 21 августа 1893 г. имѣется мѣсто, гдѣ онъ описываетъ близкихъ и знакомыхъ. Авторъ ничего не говоритъ о ростѣ, тучности или худобѣ описываемыхъ людей, но тщательно описываетъ лица, *какъ зеркала душъ*. И говоритъ, что только лицо онъ и любитъ въ человѣкѣ, только лицо, какъ зеркало души, и привлекаетъ его вниманіе. По этому зеркалу онъ только и судитъ о человѣкѣ и говоритъ, между прочимъ, что красивое лицо можетъ быть только у человѣка съ красивой душой. Въ этомъ же дневникѣ имѣется и такое мѣсто: «Понять (человѣка) значитъ умѣть поставить себя на чье нибудь мѣсто, умѣть на минуту отрѣшиться отъ всего своего и перенести себя въ чужую шкуру».

Заданіе, пожалуй, и не оригинальное, во весьма важное для опредѣленія сущности андреевскаго творчества.

Часто Андреева упрекаютъ въ равнодушіи къ общественности. О своемъ отношеніи къ этой общественности Андреевъ гворитъ:

— Русская жизнь сложилась такъ, что каждый россійскій гражданинъ, кому дорого будущее родины, долженъ быть или революціонеромъ или человѣкомъ перспективы «малыхъ дѣлъ». Я могъ бы быть только или писателемъ-революціонеромъ, или писателемъ анализа и синтеза жизни и человѣческаго духа. Совмѣще-

ніе невозможно! Предстояло рѣшеніе: или уйти въ революцію, или остаться у «малыхъ дѣлъ» и щекотать себя революціонностью.—Если хочешь быть революціонеромъ,—будь партійнымъ» говорили мнѣ. Но я, какъ и покойный Чеховъ, говорю: партійность для художника—смерть!..

И мы знаемъ Андреева, какъ безпартійнаго художника, свободнаго въ выборѣ сюжета, свободнаго и въ трактовкѣ того или иного явленія современной жизни: въ «дни свободъ» Андреевъ написалъ «Такъ было»; крестьянскія волненія отозвались на его творчествѣ, и онъ написалъ «Царь-Голодъ»; выступленія анархистовъ какъ бы породили «Савву»; въ періодъ процвѣтанія смертныхъ казней Андреевъ пишетъ «Разсказъ о семи повѣшенныхъ». И это обстоятельство многіе критики ставили въ вину автору, упрекая его въ стремительномъ слѣдованіи за злобами дня; на самомъ же дѣлѣ на эти злобы дня, на эту общественность, Андреевъ откликнулся постольку, поскольку синтезъ человѣческихъ переживаній побуждалъ его на это.

Было время, когда и Чехова упрекали въ равнодушіи къ общественности, а теперь по его произведеніямъ изучаютъ русскую общественность за два—три десятилѣтія. Максима Горькаго, напротивъ, упрекали въ томъ, что онъ подпалъ подъ вліяніе вожаковъ с.-д. партіи и будто бы погубилъ свой талантъ. Намъ же кажется, что будущіе историки литературы разъяснятъ и Андреева, и Горькаго по-настоящему, безъ злобствованія и съ упрекомъ по

адресу тѣхъ, кто теперь такъ спѣшитъ заживо похоронить обоихъ писателей.

Въ дѣтствѣ Андреевъ научился цѣнить человѣка и его духовную сущность. Въ дневникѣ писателя, относящемся къ 1893 году, имѣется нижеслѣдующій разсказъ—воспоминаніе. Международное осложненіе на русско-германской границѣ въ 1893 г. заставило Андреева воскликнуть: «Ахъ, хоть бы война что-ли!.. такъ душно стало жить!..» Это, если хотите, откликъ на общественныя настроенія того времени... А далѣе въ дневникѣ находимъ разсказъ о томъ, какъ можно любить людей, независимо отъ того, къ какой національности эти люди относятся. Это, если хотите, международная любовь, торжество интернаціонали.

Послѣ русско-турецкой войны въ 77—78 гг. въ Орелъ пригнали партію плѣнныхъ турокъ, которые и жили въ городѣ на свободѣ. Обыватели, разумѣется, интересовались черными иностранцами, недавними врагами русскихъ. Каково же было изумленіе орловскихъ обывателей, когда они убѣдились, что черные враги—не враги, а добродушнѣйшіе люди.

«Меня особенно любили плѣнные турки,—разсказываетъ въ своемъ дневникѣ Андреевъ, которому въ 77 г. было только шесть лѣтъ.—И я привязался къ нимъ. Они брали меня на руки, угощали сластями и нянчили меня, какъ своего. Никогда такъ не ласкали меня потомъ люди, какъ ласкали турки. Всѣ называли меня турченкомъ, а товарищи подсмѣивались надо мною, но я былъ счастливъ: незнакомые мнѣ

люди, люди, говорящіе на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, умѣли такъ ласкать меня, какъ потомъ никто не ласкалъ.»

Эта же любовь къ ближнимъ, кто бы они ни были, дѣлала писателя и оптимистомъ.

— До десяти лѣтъ я былъ сверхъ-оптимистомъ,—говоритъ о себѣ Андреевъ:—Послѣдующая жизнь, конечно, стерла съ души многое... Но, все же жизнь въ семьѣ вспоминаю, какъ нѣчто отрадное, о гимназіи вспоминаю безъ злобы, безъ горя... Люди въ футлярахъ не убили моего оптимизма...

Возвращаясь къ своему деревенскому уединенію, Андреевъ говоритъ:

— Въ деревнѣ я живу для того, чтобы быть свободнымъ.

И вотъ въ какихъ любопытныхъ признаніяхъ развертываетъ теорію своего творчества, если можно говорить о такой теоріи:

— У каждаго писателя должно быть опредѣленное соотношеніе между сознательнымъ и интуитивнымъ. Сознательность—тенденція, интуиція—мистика. Есть критики, считающіе меня мистикомъ, а это такая ошибка!.. Во мнѣ, напротивъ, преобладаетъ сознательность. Я много умничаю... Теперь вернемся къ противоположенію города и деревни. Городъ, какъ проявленіе сознательной жизни, былъ бы для моего умничанья плохой почвой, онъ усилилъ бы мою тенденціозность. Деревня — природа, носительница безсознательнаго, кошница интуитивнаго, откуда я черпаю нужныя мнѣ силы. И деревня, и близость къ природѣ необходимы мнѣ, чтобы

противодѣйствовать моему умничанью, моей тенденціозности. Моя жизнь въ деревнѣ развертывается чрезвычайно закономѣрно, и пути моего творчества не претерпѣваютъ скачковъ...

Интересна и самая исторія переселенія на дачу въ Финляндію:

— Послѣ шумнаго и безтолковаго года жизни въ Петербургѣ (въ 1906—1907 гг.), мое тяготѣніе къ деревнѣ настолько обострилось, что я готовъ былъ преодолѣть всѣ препятствія, лишь бы удрать изъ столицы, гдѣ люди положительно мѣшали мнѣ работать... Бывало такъ, засядешь въ кабинетѣ часовъ въ одиннадцать вечера и вотъ думаешь: теперь никто меня не обезпокоитъ, буду работать... Не тутъ-то было: въ Петербургѣ какъ разъ въ одиннадцать часовъ только и наѣзжаютъ гости... Придетъ кто-нибудь—и вечеръ пропалъ... Пробовалъ я назначать опредѣленные дни и друзья—а у меня много ихъ развелось,—друзья не безпокоили, зато былъ такой случай. Сижу какъ-то вечеромъ за работой. Первый въ началѣ. Вдругъ звонокъ. Ну, думаю, вѣрно, сейчасъ скажутъ, что телеграмму прислали, а потомъ и пойдетъ исторія—перероютъ все, протомятъ часовъ до пяти утра... Оказывается не то: приходитъ какой-то господинъ и заявляетъ, что мы знакомы. Прошу сѣсть, хотя и даю понятіе, что меня заняла работа... Посидѣлъ-посидѣлъ этотъ господинъ и началъ меня интервьюировать... Ушелъ не скоро, а у меня вечеръ пропалъ, да и ночь-то вся испорчена... И вотъ тутъ-то я и пришелъ въ отчаяніе. Не смотря на то, что меня давилъ

неоплатный долгъ «Знанію» въ двѣ тысячи рублей, занялъ денегъ, купилъ землю, необходимые матеріалы и приступилъ къ постройкѣ. Тутъ и началась цѣлая строительная вакханалія!.. Иной разъ думаю: да гдѣ же я возьму денегъ, чтобы продолжать постройку, и ничего— какъ-то все уладится, смотришь, и денегъ досталъ, и дача моя строится... Я вообще человѣкъ удачливый, удача помогла мнѣ и въ этомъ случаѣ...

Кто-то въ шутку назвалъ дачу Андреева «Бѣлой ночью». Мрачныя стѣны большого двухъэтажнаго зданія, съ выступами, съ высоко приподнятой черепичной красной кровлей и высокой четырехгранной башней—символизируютъ скорѣе ненастныя ночи сѣвера. Но распланировка комнатъ и ихъ художественная отдѣлка снова возвращаютъ васъ къ томительнымъ мечтаньямъ бѣлыхъ ночей. Въ обширной столовой, съ громаднымъ каминомъ и печкой, есть уголокъ, выхваченный изъ обстановки пьесы Ибсена «Росмерсхольмъ», какъ она ставится на сценѣ московскаго художественнаго театра. Кабинетъ писателя во второмъ этажѣ надъ столовой. Это обширная комната, съ высокимъ потолкомъ и темно-сѣрыми стѣнами, обитыми матеріей. Окна четырехугольныя, съ зеркальными стеклами. За темной драпировкой уютная библіотека писателя. Узкая дверь изъ кабинета ведетъ на террасу, открытую и просторную. «Своимъ дворомъ» зоветъ эту террасу Андреевъ, предназначивъ ее для прогулокъ послѣ ночныхъ часовъ работы. Съ террасы прекрасный видъ на крутые берега

Черной рѣчки, на финскую деревушку, на дачный поселокъ. Съ высокой башни прекрасный видъ на море съ Кронштадтомъ, фортами и маяками.

Е. Семеновъ, побывавшій у Андреева, дѣлаетъ такія обобщенія:

«Мнѣ кажется, ни у одного писателя ни въ Россіи, ни заграницей не отразилась такъ физіономія писателя на его домашней обстановкѣ, какъ у Андреева, кромѣ развѣ Ренана и Анатоля Франса. У Ренана большая просторная, точно монастырская зала, превращенная одновременно въ библіотеку и въ студію. У Анатоля Франса — музей и библіотека, средневѣковыя изданія, картины и новѣйшія коллекціи, обстановка схимника, согрѣтая и освѣщенная свѣтомъ современной мысли и науки. Глубокій и проникновенный взглядъ въ эпоху «Жанны д'Аркъ» и широкое открытое окно на убранные сады и близкій Булонскій лѣсъ.» («Тр. К.» 1909 г., 31 іюля).

Работаетъ писатель преимущественно по ночамъ и нерѣдко засиживается до пяти-шести часовъ утра. Въ большинствѣ случаевъ онъ диктуетъ, а его жена, Анна Ильинична, пишетъ на машинкѣ. За послѣднее время, впрочемъ, писатель и самъ научился писать на «Унтервудѣ».

— Особенно хорошо диктовать пьесы,—говоритъ Леонидъ Николаевичъ.—Ходишь по комнатѣ, жестикулируешь отъ лица персонажей, и часто какой-нибудь жестъ или поворотъ головы разрѣшаетъ мысль и является источникомъ новаго образа...

Въ общемъ, работа утомляетъ писателя, требуя большой нервной затраты. Часто работѣ мѣшаютъ головныя боли, отъ которыхъ «никакіе профессора не могутъ избавить» Андреева. Каждое произведеніе писатель долго вынашиваетъ въ своемъ мозгу, вырабатываетъ въ деталяхъ, заканчиваетъ и только ужъ потомъ приступаетъ къ писанію. Часто при этомъ планъ работы видоизмѣняется, вводятся новые персонажи, мѣняется заглавіе. Иногда Андреевъ набрасываетъ шутливыя пьески или пишетъ сказочки для дѣтей. Жаркая пора работы для Андреева осень, работаетъ онъ и зимой и весной. Лѣто отдыхаетъ, но и отдыхъ его опять-таки «писательство». Отправившись на прогулку въ море на своей моторной лодкѣ, писатель самъ управляетъ лодкой, шутитъ и говоритъ съ присутствующими, а потомъ вдругъ задумается, любуясь морской далью или облаками, или небомъ, и на лицо его ложится серьезная дума, озаренная внутреннимъ огнемъ творчества. Это опять сошли къ нему образы, и онъ опять творитъ молча.

Разскажу такой случай. Пригласилъ однажды Л. Н. меня и критика Чуковскаго прокатиться на обыкновенной лодкѣ. Меньше всего мы думали, что эта прогулка по Черной рѣчкѣ закончится тѣмъ, чѣмъ закончилась. Плыли между зелеными берегами рѣчки, шутливо бесѣдовали на разныя темы. Какъ-то случайно писатель заговорилъ о своей работѣ. И такъ какъ тогда онъ писалъ свой «Океанъ», то, естественно, вся бесѣда свелась къ этой пьесѣ. Все болѣе и

болѣе вдохновляясь, писатель детально передалъ намъ содержаніе перваго акта, затѣмъ приступилъ ко второму и третьему. Въ устной передачѣ того, что было еще только въ процессѣ писанія, Андреевъ явился передъ нами изумительнымъ разсказчикомъ. Онъ творилъ на глазахъ у насъ, и, какъ потомъ оказалось, разработалъ многія детали произведенія именно въ эту прогулку на лодкѣ.

Какъ разсказчикъ, Л. Н. изумительно красочнъ, точенъ въ выраженіяхъ; съ грустью на глазахъ, когда разсказываетъ что-либо печальное, съ слезами смѣха, когда передаетъ что либо смѣшное.

Въ подтвержденіе своихъ словъ писатель часто приводитъ цитаты изъ произведеній классиковъ, или ссылается на какое-нибудь философское сочиненіе. Цитируетъ Достоевскаго, Толстого, Щедрина, Ницше, а то вдругъ вспомнитъ что-нибудь изъ Глѣба Успенскаго. Въ разговорѣ о прочитанномъ Андреевъ всегда остается серьезнымъ критикомъ и часто жалѣетъ того или иного беллетриста: почему онъ воспроизвелъ тотъ или иной отрывокъ въ своемъ произведеніи такъ, а не иначе? И при этомъ скажетъ, какъ бы надо было написать.

Уединившись въ деревню, Л. Н. совсѣмъ не склоненъ къ замыканію въ самомъ себѣ. Домъ его, что называется, полонъ людей. По воскресеньямъ писателя навѣщаютъ друзья и близкіе, по пятницамъ—пріемы по дѣламъ. Корреспонденція писателя обширна, и часто онъ получаетъ письма отъ своихъ читателей. Безъ конца пи-

сателю шлютъ свои рукописи начинающіе беллетристы и драматурги. Авторы беллетристы спѣшатъ съ высылкой своихъ только что отпечатанныхъ томиковъ разсказовъ и повѣстей.

III.

Въ разсказѣ Л. Н. Андреева «Баргамотъ и Гараська», съ котораго началась серьезная литературная дѣятельность нашего автора, есть описаніе окраинной Пушкарной улицы, гдѣ живутъ «пушкари—проломленныя головы» и за благонравіемъ которыхъ слѣдилъ Иванъ Акиндимычъ Бергамотовъ, «городовой бляха № 20».—«Баргамотъ обладалъ непомѣрной силищей, сила же на Пушкарной была все. Населенная сапожниками, пенькотрепальщиками, кустарями, портными и иныхъ свободныхъ профессій представителями, обладая двумя кабаками, воскресеньями и понедѣльниками всѣ свои часы досуга Пушкарная посвящала гомерической дракѣ, въ которой принимали непосредственное участіе жены, растрепанныя, простоволосыя, растаскивавшія мужей, и маленькіе ребятишки, съ восторгомъ взиравшіе на отвагу тятекъ. Вся эта буйная волна пьяныхъ пушкарей, какъ о каменный оплотъ, разбивалась о непоколебимаго Баргамота, забиравшаго методически въ свои мощныя длани пару наиболѣе отчаянныхъ крикуновъ и самолично доставлявшаго ихъ «за клинъ».

На этой же Пушкарной улицѣ протекли и дѣтскіе годы Л. Н. Андреева.

Родился Л. Н. Андреевъ 9 августа 1871 г. Въ годъ рожденія писателя отецъ его служилъ на желѣзной дорогѣ, получая только пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Жили они тогда на Первой Пушкарной, въ домѣ мѣщанина Гоньшина, ютясь въ крошечной квартиркѣ изъ трехъ комнатъ, и за квартиру платили всего четыре рубля въ мѣсяцъ.

— Скажу откровенно, въ годъ рожденія Леонида и послѣ частенько мы съ мужемъ голодали—говорила объ этомъ времени мать писателя, Анастасія Николаевна.

Вскорѣ послѣ появленія на свѣтъ первенца, будущаго писателя, двадцати двухъ-лѣтній Н. Андреевъ поступилъ въ банкъ, и дѣла семьи нѣсколько улучшились.

Отецъ Л. Н. Андреева, по личному свидѣтельству самого писателя, «мужицко-помѣщичьей крови», мать-полька, урожденная Поцковская. О своихъ родителяхъ писатель разсказываетъ слѣдующее:

«...отецъ и мать поженились очень рано, оба были людьми здоровыми и очень крѣпкими, а отецъ, кромѣ того, отличался огромной физической силой. Въ городѣ отецъ умеръ рано, всего сорока двухъ лѣтъ (скоропостижно, отъ кровоизліянія въ мозгъ), въ деревнѣ онъ могъ дожить и до ста лѣтъ.“

О художественной наслѣдственности писателя въ автобіографическомъ очеркѣ Андреева имѣются слѣдующія данныя:

„Я плохо знаю моихъ восходящихъ родныхъ: большинство изъ нихъ умерло, либо безвѣстно

затерялось въ жизни, когда я былъ еще маленькимъ. Но насколько могу судить по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя дало мнѣ наблюденіе, мое влеченіе къ художественной дѣятельности наслѣдственно опирается на линію материнскую. Именно въ этой сторонѣ я нахожу наибольшее количество людей одаренныхъ, хотя одаренность ихъ никогда не поднималась значительно выше средняго уровня и часто, подъ неблагопріятными вліяніями жизни, принимала уродливыя формы.

„Безкорыстная любовь къ бранью и житейскому вредному сочинительству, которой иногда страдаютъ обитатели нашихъ медвѣжьихъ угловъ, часто бываетъ неразвившимся зародышемъ того же литературнаго дарованія. И пылкое фантазерство, не находившее себѣ границъ въ условіяхъ скудной дѣйствительности, составляло характерную черту нѣкоторыхъ моихъ родственниковъ, повторяю, уже умершихъ. Въ смыслѣ обычной талантливости они, оставаясь самоучками, проявили себя такъ: одни любили и умѣли рисовать, но не шли дальше лошадей и турокъ въ фескахъ; другіе имѣли склонность къ музыкѣ, но другого инструмента, кромѣ трехрядной гармоники, не знали.“

„Покойный отецъ мой былъ человѣкомъ яснаго ума, сильной воли и огромнаго безстрашія, но къ художественному творчеству въ какой бы то ни было формѣ склонности не имѣлъ. Книги, однако, любилъ и читалъ много, къ природѣ же относился съ глубочайшимъ вниманіемъ и той проникновенной любовью, источникъ кото-

рой находится въ его мужицко-помѣщичьей крови. Былъ хорошимъ садоводомъ, всю жизнь мечталъ о деревнѣ, но умеръ въ городѣ."

Несомнѣнно, любовь къ природѣ и стремленіе изъ города на лоно деревни нашъ писатель унаслѣдовалъ отъ отца. „Природа для меня все"—говоритъ Леонидъ Николаевичъ.—„Море, какъ стихію, я люблю стихійною любовью..."

Послѣдующіе затѣмъ дѣтскіе годы протекли для Андреева въ условіяхъ лучшихъ матеріальныхъ достатковъ: "Леонида мы даже избаловали," замѣчаетъ мать писателя. Отецъ Андреева купилъ землю и домъ на Второй Пушкарной, и заработки его позволили отдать сына въ гимназію. Однако, при переходѣ Л. Н. въ шестой классъ матеріальныя условія семьи круто измѣнились: Н. Андреевъ неожиданно умеръ, и жить пришлось продажей имущества, а гимназистъ Андреевъ долженъ былъ бѣгать по урокамъ. Мать писателя начала было хлопотать о томъ, чтобы сына ея освободили отъ платы за ученіе и выхлопотала эту льготу, но Л. Андреевъ не согласился принять подачки даже и въ этомъ видѣ.

Въ эти же годы съ Л. Н. приключилась и непріятная исторія. Катаясь на конькахъ, онъ упалъ на какую-то разбитую бутылку и повредилъ себѣ лѣвую руку, перерѣзавъ жилу; порѣзъ былъ скоро излѣченъ, но слѣды этого пораненія замѣтны на рукѣ до сихъ поръ.

О характерѣ и душевныхъ настроеніяхъ въ гимназическіе годы Л. Н. матушка его, Анастасія Николаевна, разсказываетъ слѣдующее:

— Почти всегда Леонидъ былъ веселый, жизнерадостный, а потомъ вдругъ сдѣлается серьезнымъ и задумчивымъ. А настойчивымъ въ своихъ желаніяхъ онъ былъ всегда и не легко было съ нимъ ладить... Товарищами у него были большею частію гимназисты-сверстники и уличные ребята съ Пушкарной. Въ игрѣ въ солдаты и въ разбойники Леонидъ всегда былъ или командиромъ или вожакомъ. Въ то время у насъ въ Орлѣ еще водились хороводы, которые онъ очень любилъ. Леонидъ часто участвовалъ въ этихъ хороводахъ, слылъ за хорошаго пѣвца и плясуна... Изъ взрослыхъ большое вліяніе на него имѣлъ родной дядя, братъ мой, и только, кажется, одного его Леонидъ и любилъ...

Съ теченіемъ лѣтъ, послѣ смерти отца, матеріальныя дѣла семьи Андреевыхъ все ухудшались. Анастасія Николаевна говоритъ о сынѣ: „Бѣдность всегда угнетала его и раздражала, и съ семнадцати лѣтъ онъ сталъ болѣе задумчивымъ, даже угрюмымъ, и жизнерадостность его куда-то ушла...“

Чтобы установить пути умственнаго развитія Л. Н. въ годы дѣтства и отрочества, обратимся къ непосредственному разсказу самого писателя.

«Читать я началъ съ шести лѣтъ и читалъ чрезвычайно много, все, что попадалось подъ руку; лѣтъ съ семи уже абонировался въ библіотекѣ. Съ годами страсть къ чтенію становилась все сильнѣе и сильнѣе, и уже лѣтъ съ десяти-двѣнадцати я началъ ощущать то извѣст-

ное провинціальному читателю чувство, которое могу назвать тоской по книгѣ. Моментомъ сознательнаго отношенія къ книгѣ считаю тотъ, когда впервые прочелъ Писарева, а вскорѣ затѣмъ „Въ чемъ моя вѣра?“ Толстого. Это было въ классѣ четвертомъ или пятомъ гимназіи; и тутъ я сдѣлался одновременно соціологомъ, философомъ, естественникомъ и всѣмъ остальнымъ. Вгрызался въ Гартмана и Шопенгауера, и въ то же время наизусть (иначе нельзя было) вызубрилъ полъ-книги „Ученіе о пищѣ“ Молешотта. Къ двадцати годамъ я хорошо знакомъ былъ со всею русскою и иностранною (переводной) литературой; были авторы, какъ, напримѣръ, Диккенсъ, которыхъ я перечитывалъ десятки разъ. Вообще же любилъ и до сихъ поръ люблю только толстыя книги; и въ библіотекѣ бралъ лишь такія, при которыхъ цѣна была обозначена не меньше рубля.

„Но о томъ, чтобы быть писателемъ, не думалъ, ибо чуть ли не съ самаго младенчества чувствовалъ страстное влеченіе къ живописи. Рисовалъ много (первой учительницей была мать, которая держала карандашъ въ моихъ рукахъ); но такъ какъ въ Орлѣ ни школъ, ни настоящихъ учителей не было, то все дѣло ограничивалось безплоднымъ диллетантизмомъ. Бывали удачные рисунки и портреты, за которые меня хвалили, а учителя гимназіи совѣтовали немедленно ѣхать въ академію (обычная форма совѣта была такова: чѣмъ сидѣть на камчаткѣ и протирать парту, поѣзжайте-ка и т. д.). Но еще чаще бывали неудачи, и во всемъ, что я рисо-

валъ, чувствовалось отсутствіе школы, иногда простая безграмотность. Натуры я не любилъ и всегда рисовалъ изъ головы, впадая временами въ комическія ошибки; до сихъ поръ вспоминаю лошадь, у которой, по какой-то нелѣпой случайности, оказалось всего три ноги... Фантазировалъ я безконечно; былъ у меня огромный альбомъ „Рожъ," штукъ триста, и года два или три я провелъ въ мучительныхъ поискахъ „демона." (Ф. Ф. Фидлеръ „Первые литер. шаги").

Своему отношенію къ живописи Леонидъ Николаевичъ придаетъ большое значеніе. А. А. Измайлову онъ разсказываетъ слѣдующее:

„Эту черту моей любви къ живописи я бы хотѣлъ выдѣлить въ своей біографіи Посейчасъ иногда я задаю себѣ вопросъ: какое мое подлинное призваніе,—художническое или писательское? Писать, во всякомъ случаѣ, я началъ въ юношескіе годы; въ раннемъ же дѣтствѣ я не помню себя иначе, какъ съ карандашемъ рисовальщика въ рукѣ. Если живописецъ во мнѣ совершенно погибъ, даже не проявившись, этимъ я обязанъ только тому, что родился въ провинціальномъ русскомъ городѣ, гдѣ не было ни одного учителя рисованія, гдѣ рѣшительно никто не могъ мнѣ просто посовѣтовать, какъ держать карандашъ. Единственнымъ человѣкомъ, глядя на котораго я все-таки могъ знать, что люди рисуютъ, былъ мой дядя, впрочемъ, умѣвшій рисовать только лошадокъ... Сейчасъ во мнѣ живописецъ, конечно, уже умеръ. Способность не утрачена вовсе, но осталась не развитой. Я еще могу срисовать, какъ срисо-

вывалъ въ послѣднее время нѣкоторыя картины Гойя, и въ общемъ настолько не худо, что художникъ Сѣровъ похвалилъ мою работу...»

«Эту черту я отмѣчаю потому, что, можетъ быть, она можетъ кой-что объяснить и въ моей беллетристической манерѣ. Можетъ быть, потому у меня всегда прежде слагается внѣшній физическій обликъ описываемаго лица и потомъ окончательно опредѣляется духовный образъ.» (А. Измайловъ. «Литерат. Олимпъ», стр. 245-я).

О значеніи живописи въ жизни нашего писателя мы коснемся въ дальнѣйшихъ главахъ, а теперь прослѣдимъ гимназическій періодъ жизни Андреева, тотъ періодъ, въ который, несомнѣнно, формируется будущій человѣкъ.

IV.

Гимназическіе годы вспоминаетъ Андреевъ съ добродушной усмѣшкой и даже съ симпатіей ко всему тому, что было когда-то и забыто, и не забыто... Въ этомъ отношеніи онъ похожъ на всѣхъ насъ, на всю русскую интеллигенцію, вступавшую въ жизнь въ восьмидесятыхъ годахъ. Мы жили и воспитывались въ средѣ нытиковъ-восьмидесятниковъ, какъ принято говорить теперь о людяхъ «чеховскихъ настроеній». Безпомощность взрослыхъ того времени, въ тискахъ махровымъ цвѣткомъ распустившейся реакціи послѣ событія 1 марта 1881 г., отразилась на настроеніяхъ семей подрастающаго поколѣнія, отразилась и на порядкахъ и на духѣ всего преподаванія въ среднихъ

школахъ. Андреевъ пережилъ этотъ гимназическій режимъ, и, несомнѣнно, онъ отразился на его духовномъ развитіи.

Гимназическими *андреевскими* впечатлѣніями полны и четыре разсказа-фельетона нашего писателя, относящіеся къ ранней порѣ его литературной дѣятельности и сохранившіе въ себѣ несомнѣнный автобіографическій матеріалъ: «Мой герой», «Весна», «Лѣто» и «Онъ умеръ, бѣдный Экстемпоралій». Посмотрите, какой тоской по веснѣ и какой насмѣшкой негодованія начинается одинъ изъ этихъ разсказовъ «Весна»:

«За все время, пока я находился въ гимназіи, я не видѣлъ весны, такъ какъ держалъ экзамены. Случалось, что люди, добивавшіеся отъ меня знанія, не успѣли достичь своей почтенной цѣли за кратковременный учебный періодъ и для окончательныхъ опытовъ приглашали меня въ гимназію на августъ. Тогда, кромѣ весны, пропадало для меня и лѣто: первую половину его я отдавалъ тягостнымъ воспоминаніямъ о минувшихъ экзаменахъ, а вторую—посвящалъ горестнымъ предчувствіямъ и крайне тяжелой для чувствительнаго сердца мысли, что я долженъ буду еще разъ, и уже окончательно, поразить печалью и гнѣвомъ своихъ наставниковъ и учителей.»

И только одну весну гимназистъ Андреевъ видѣлъ, только одно лѣто онъ былъ счастливъ, это когда его совсѣмъ не допустили до экзаменовъ. «Наука въ тотъ годъ мнѣ не удалась»—пишетъ онъ и добавляетъ торжественно-насмѣшливо: «Когда я входилъ въ классъ, изъ

всѣхъ ранцевъ неслись стоны ужаса, и только одинъ мой ранецъ внушительно молчалъ, такъ какъ въ немъ лежалъ одинъ только «бальникъ», а въ немъ были разставлены тощія и совершенно безголосыя единицы».

И вотъ, въ то время, какъ болѣе счастливый сожитель Андреева, гимназистъ, раскрывалъ латинскій учебникъ и съ видимымъ наслажденіемъ узнавалъ, что вопреки его долголѣтнему заблужденію, при глаголѣ nubo ставится дательный падежъ, а не винительный, — гимназистъ Андреевъ «надѣвалъ большіе сапоги и уходилъ въ поле».

„За это печальное время я успѣлъ на десятки верстъ обходить окрестности Орла, переслушать тысячу жаворонковъ, перевидать массу бѣлыхъ, нѣжныхъ облачковъ, съѣлъ около воза всякой травы и просвѣтилъ около дюжины землепашцевъ, разъяснивъ имъ, почему вода течетъ внизъ, а не вверхъ, и кстати разсказавъ о періодическихъ разливахъ р. Нила, въ столь высокой степени оплодотворяющихъ землю... Когда утомленный, голодный я возвращался къ обѣду домой, я находилъ моего сожителя въ состояніи экстаза: оказалось, что вся его предшествующая научная дѣятельность была сплошнымъ заблужденіемъ и что число глаголовъ, управляющихъ дательнымъ падежомъ, безконечно. И онъ перечислялъ мнѣ эти глаголы и бѣгалъ въ свою комнату, гдѣ, по его представленію, застряло нѣсколько глаголовъ, и, дѣйствительно, находилъ ихъ спрятавшимися внизу страницы,—а я въ это время поѣдалъ его пор-

цію и свою (онъ почему-то бросилъ ѣсть), благосклонно слушалъ его и вставлялъ свои замѣчанія, которыя казались ему весьма оригинальными, но не выдерживающими строгой научной критики. Послѣ обѣда я грустно, но крѣпко засыпалъ, пока мой сожитель нѣжно няньчился съ родительнымъ падежомъ, а вечеромъ я писалъ очень скверные стихи—о жаворонкахъ, о синемъ небѣ и горячемъ, молодомъ сердцѣ, и посвящалъ ихъ той, которую, къ сожалѣнію, допустили къ экзаменамъ. А когда всходилъ полный мѣсяцъ и углемъ рисовалъ на землѣ острые силуэты домовъ и деревьевъ, я отправлялся бродить по тихому городу и слушалъ, какъ гдѣ-то пѣли, гдѣ-то рокоталъ рояль, и видѣлъ, какъ въ темныхъ садахъ мелькали бѣлыя воздушныя фигуры и звонкимъ смѣхомъ обрывали на полнотѣ соловья.» („Весна“, т. I, стр. 221).

Иногда въ дни экзаменовъ маленькій герой разсказа Андреева заходилъ въ гимназію, чтобы посмотрѣть, чего лишила его жестокая судьба, и встрѣчалъ взоры товарищей, полные сожалѣнія къ нему, недопущенному предъ лицомъ ареопага экзаменаторовъ. И, сравнивая себя съ товарищами, державшими экзаменъ, думалъ:

„Къ концу экзаменовъ моего сожителя рвало неправильными глаголами, и онъ пріобрѣталъ какое-то едва уловимое и странное сходство съ логариѳмомъ. Сталъ такой же длинный и желтый и не могъ безъ посторонней помощи вылѣзть изъ книги. И когда онъ шелъ на послѣдній экзаменъ, онъ совсѣмъ не отбрасывалъ тѣни,

хотя день былъ солнечный, и всѣ собаки брехали на него, такъ какъ онъ пугалъ ихъ своимъ видомъ."

Въ автобіографическомъ разсказѣ „Лѣто" Андреевъ зарисовываетъ семейные эпизоды изъ своей гимназической жизни. На гимназиста Андреева были устремлены печальные глаза близкихъ, и всѣ покачивали головами, а брата его, „нѣжненькаго и худенькаго" (такъ какъ экзамены были очень трудные) всѣ хвалили и гладили по умной головкѣ. Говоритъ Андреевъ и о гимназическомъ угрызеніи совѣсти, и неожиданно для господъ гимназическихъ преподавателей всѣхъ временъ, вскрываетъ любопытную сущность своей души:

„Гимназическія правила не допускали для насъ употребленія табаку и вина, которыми можно заглушить угрызеніе совѣсти, и я долженъ былъ прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Рано утромъ, а иногда и на ночь я уходилъ съ ребятами ловить рыбу, сидѣлъ на плотинѣ и слѣдилъ за небомъ, въ которомъ съ божественнымъ покоемъ и красотой смѣнялись нѣжныя краски, а зеркальная рѣка отражала ихъ и становилась то нѣжно-голубой, то розовой, а поперекъ ея проходили блестящія полосы расплавленнаго золота и серебра. Прибрежная ракита купала въ водѣ свои узенькіе листочки; сбоку меня, въ затворѣ, тихо журчала и плескалась вода; взошедшее солнце мягко нагрѣвало мою непокрытую голову, и когда я закрывалъ глаза, оно погружалось не въ густой мракъ, какъ ночью, а въ красноватый теплый

свѣтъ. Забывъ о поплавкахъ, я слѣдилъ за маленькими паучками, легко скользившими по гладкой водѣ, и воображалъ себя такимъ паучкомъ, а узенькую рѣку—необъятнымъ моремъ. И совершалъ по морю далекія путешествія, заходилъ въ шумные приморскіе города и вступалъ въ схватки съ хищными малайцами, нападавшими на мой корабль."

Приведенный отрывокъ особенно интересенъ, какъ эпизодъ перевоплощенія души будущаго писателя. Скучная по казарменному гимназія, суровые педагоги, гнетущіе молодую душу, скучные учебники, „нѣжные худенькіе" товарищи,—такъ какъ экзамены были очень трудны,—это одинъ міръ впечатлѣній, а другой міръ—поле, по которому бродилъ Андреевъ въ большихъ сапогахъ, рѣка, гдѣ онъ съ уличными мальчиками ловилъ рыбу, маленькіе паучки, легко скользящіе по глади рѣчной и, наконецъ, рѣка превращающаяся въ море съ шумными городами и съ хищными малайцами... Вотъ въ какой отдаленный періодъ своего дѣтства Андреевъ началъ писать свою трагедію „Океанъ"! Въ гимназическіе годы помимо вліянія преподавателей, а, можетъ быть, благодаря отсутствію этого вліянія, его душа начала превращаться, подобно тому, какъ маленькіе паучки превращались въ малайцевъ, а рѣка въ море—въ океанъ. Гимназія оттолкнула отъ себя будущаго писателя и направила его фантазію по пути безпредѣльнаго океана жизни; не даромъ Андреевъ съ чувствомъ примиренія и даже съ любовью вспоминаетъ эти гимназическіе годы. Многое терялъ онъ тогда изъ души, другое умирало въ этой

душѣ, но все же на сторонѣ онъ находилъ много богатствъ и въ краскахъ тѣхъ облачковъ, о которыхъ писалъ, и въ томъ саду, гдѣ слышался рояль, и на той рѣкѣ, гдѣ плавали паучки.

К. Чуковскій въ своей брошюрѣ „Леонидъ Андреевъ большой и маленькій“ говоритъ, что когда Андреевъ былъ еще безпечнымъ фельетонистомъ безпечной газетки „Курьеръ“, онъ во всѣхъ своихъ очеркахъ и наброскахъ, плохихъ и хорошихъ, инстинктивно, самъ того не замѣчая, подъ всей грудой случайныхъ темъ и случайныхъ положеній почувствовалъ одну особенную тему, одно особенное положеніе, которое и прослѣживалъ съ необъяснимой настойчивостью. Это одна особенная тема—*перемьна, перерожденіе, перевоплощеніе души человѣческой*“.*)

Какъ мы видѣли, перевоплощеніе это началось еще раньше, а именно—въ гимназическіе годы, когда Андреевъ началъ съ перевоплощенія собственной души. Пригородные лѣса и поля помогали этому перевоплощенію, товарищи съ Пушкарской улицы, наконецъ, сами „пушкари — проломленныя головы“—дополняли работу природы; недаромъ, въ первыхъ разсказахъ писателя выведены персонажи-портреты изъ среды родной улицы.

Необходимо прочесть шуточный разсказъ-фельетонъ Андреева „Онъ умеръ, бѣдный Экстемпоралій“, чтобы понять, какъ оцѣнивалъ будущій писатель скучную гимназическую науку.

---

*) К. Чуковскій. Леонидъ Андреевъ большой и маленькій, стр. 45.

„Г. Экстемпоралій былъ лучшимъ, хотя и не единственнымъ, другомъ моего дѣтства. Впрочемъ, будетъ точнѣе, если я скажу такъ: г. Экстемпоралій и я, мы росли вмѣстѣ. Чѣмъ больше становился я, тѣмъ длиннѣе вытягивался г. Экстемпоралій, и въ тотъ же день, когда судьба разлучила насъ, онъ былъ только на четверть короче меня. Для молодого и тощаго малаго этотъ ростъ былъ очень недуренъ. Видались мы съ г. Экстемпораліемъ по субботамъ. Не думаю, чтобы въ назначеніи дня для нашихъ свиданій учебное заведеніе слѣдовало традиціямъ, по которымъ день субботній предназначался когда-то для порки,—навѣрное, это было лишь случайное совпаденіе. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что когда г. Экстемпоралій подросъ, онъ изрѣдка являлся къ намъ и по средамъ, и по понедѣльникамъ, и по другимъ днямъ. Долженъ отмѣтить здѣсь весьма странный, но истинный фактъ. Въ тѣ дни, когда г. Экстемпоралій являлся, у меня и многихъ товарищей заболѣвали головы. Вѣроятно, отъ нетерпѣнія. И никогда онъ не заболѣвали въ пятницу, но всегда въ субботу, ровно въ 8 часовъ утра, когда я застегивалъ послѣдніе крючки ранца, чтобы идти на свиданіе. Родители мои поражались этимъ явленіемъ не менѣе меня, но, какъ и я, средствъ отъ боли найти не могли. Къ сожалѣнію, они скоро привыкли къ этой болѣзни, и я плакалъ, но шелъ на свиданіе къ г. Экстемпоралію. И идя и плача, я твердилъ слова поэта:

„Была безъ радости любовь,
Разлука будетъ безъ печали.“

Въ этой поздней исповѣди—вся суть отношенія Андреева-гимназиста къ его Alma mater. Г. Экстемпоралій—олицетвореніе гимназіи. Это первый образъ въ духѣ картинъ Гойя, выхваченный будущимъ писателемъ изъ самой жизни. Недаромъ, въ томъ же разсказѣ Андреевъ сравниваетъ г. Экстемпоралія съ клоуномъ, который выѣзжаетъ на цирковую арену въ костюмѣ буржуа, на скаку снимаетъ платье и остается крестьяниномъ, потомъ превращается въ дѣвицу и т. д., пока не сдѣлается юношей въ трико.

Гимназія ставила юнаго Андреева на перепутьѣ двухъ дорогъ: пойдешь вправо—гимназія со всѣми ея особенностями царствованія г. Экстемпоралія, пойдешь влѣво—Пушкарская улица г. Орла, поля и лѣса съ царственной природой и настоящіе живые «пушкари», хотя и съ проломленными головами.

Андреевъ гимназистъ въ обиходѣ Пушкарской улицы рисуется такимъ:

«Шесть разъ на день я купался, отчего у меня на всемъ лицѣ лупилась кожа, съ носа она сходила каждую недѣлю, и всякій разъ, уходя, я звалъ съ собой брата. Но онъ кротко качалъ своей умненькой головкой и со вздохомъ говорилъ:

— Я не могу, голубчикъ. Мнѣ еще нужно перевести два параграфа и написать диктантъ.

«Вечеромъ я звалъ его играть въ бабки или пускать змѣй, и худенькій и слабенькій мой братъ колебался, но дядя гладилъ его по головкѣ и говорилъ:

— Не слушай его, шалопая, у него только

игры на умѣ да ѣда. Смотри, какой вытянулся, бездѣльникъ. А ты умный мальчикъ и будешь читать книжку.

«И онъ садился за книжку, печально глядя мнѣ вслѣдъ, а я пускалъ змѣй, бѣгалъ по всей улицѣ за бабками, перелѣзалъ черезъ заборъ, огорчая мирныхъ обывателей. Часто я дрался съ ребятами и расшибалъ имъ носы, но такъ же часто и они расшибали мнѣ носъ, и я ревѣлъ, и они ревѣли, а потомъ мы мирились, и, когда уже темнѣло, садились гдѣ нибудь въ уголкѣ и разсказывали другъ другу страшныя сказки. Летучія мыши безшумно разрѣзали сонный воздухъ, звѣзды въ вышинѣ тихо мерцали, высокая ракита вздрагивала и о чемъ то шумѣла своей верхушкой, а мы поджимали подъ себя ноги, близко склонялись другъ къ другу, и лица у всѣхъ насъ были блѣдныя, а глаза большіе и черные»...

Въ своей автобіографіи, появившейся въ январьской книгѣ «Журн. для Всѣхъ» за 1903 г., Андреевъ пишетъ о гимназіи слѣдующее:

«Учился скверно, въ седьмомъ классѣ цѣлый годъ носилъ званіе послѣдняго ученика и за поведеніе имѣлъ не свыше четырехъ, а иногда и три. Самое пріятное, проведенное въ гимназіи время, о которомъ до сихъ поръ вспоминаю съ удовольствіемъ,—это перерывы между уроками, такъ называемыя перемѣны, а также тѣ рѣдкіе, впрочемъ, случаи, когда меня «выгоняли» изъ класса. Въ пустыхъ и длинныхъ корридорахъ звонкая тишина, играющая одинокимъ звукомъ шаговъ; по бокамъ запертыя

двери, а за ними полные народу классы; лучъ солнца—свободный лучъ, прорвавшійся въ какую то щель и играющій приподнятой на перемѣнѣ и еще не осѣвшей пылью,—все такъ таинственно, интересно и полно особымъ сокровеннымъ смысломъ» *).

Гимназическая жизнь и типы гимназистовъ зарисованы Андреевымъ въ его разсказахъ: „Молодежь“, „Праздникъ“, „Весною“. Наконецъ, возьмите его разсказъ „Въ туманѣ“, съ его печальнымъ героемъ Павломъ Рыбаковымъ. Картины юности запечатлѣны авторомъ въ этихъ разсказахъ съ присущей Андрееву психологической глубиной воспріятія чужихъ душевныхъ переживаній. Изъ жизни и изъ обстановки живыхъ людей реалистъ Андреевъ почерпалъ свои образы

Нѣкто Вс. Чаговецъ разсказываетъ въ „Кіевской Газетѣ“ (1903 г., ноябрь) слѣдующее о юношескихъ годахъ Леонида Андреева:

„Кто бы могъ угадать въ безшабашномъ гимназистѣ, а затѣмъ въ безалаберномъ студентѣ московскаго университета девяностыхъ годовъ—будущаго писателя съ такимъ крупнымъ талантомъ? Товарищи его по университету разсказывали мнѣ о немъ, какъ о типичномъ студентѣ, увлекающемся, влюбчивомъ и быстро охлаждающемся... Въ интимномъ кругу, говорятъ, существовалъ даже терминъ „*пить*

---

*) Въ разсказѣ „Жили были“ имѣется описаніе больничнаго корридора. Любопытно сравнить тотъ отрывокъ съ только что приведеннымъ.

по Андреевски: аршинъ колбасы и аршинъ рюмокъ". Но быль,—если это и такъ,—молодцу не укоръ."

К. Чуковскій, приведя въ своей книгѣ только что выписанную цитату, осуждаетъ г. Чаговца и добавляетъ, что это было одно изъ первыхъ свѣдѣній, которое русская печать сообщила о личности знаменитаго писателя: „онъ пьетъ водку аршинами". Конечно, можно только пожалѣть о томъ, что г. Чаговецъ не разспросилъ однокашниковъ Андреева и о другихъ сторонахъ его студенческой жизни.

Андреевъ не склоненъ прикрашивать своей юности ни въ пору гимназическихъ лѣтъ, ни въ пору студенчества. Такъ же, какъ и всѣ гимназисты—восьмидесятники, онъ увлекался гимназистками, ухаживалъ, переживалъ быстротечные юные романы. Но для каждаго изъ насъ такіе романы только украшеніе былой юности!

Въ тѣ времена кружковъ самообразованія въ томъ смыслѣ, какъ это наблюдалось въ концѣ минувшаго столѣтія, не существовало. Гимназическіе кружки были замкнуты, въ условіяхъ бдительнаго наблюденія классныхъ наставниковъ. Достаточно прочесть: „Дѣтство Темы" или „Гимназисты" Гарина-Михайловскаго, чтобы понять гимназическую жизнь тѣхъ лѣтъ.

Учился Андреевъ не важно и не скрываетъ этой своей особенности. Да едва ли кто-нибудь и можетъ устыдиться этого, припоминая, во власти какихъ „человѣковъ въ футлярѣ" были мы, гимназисты-восьмидесятники. Гимназіи того времени не давали намъ ни формы, ни содер-

жанія жизни: латынь душила запросы жизни, исторію изучали только по Иловайскому, естествознаніе не удовлетворяло естественной любознательности, литературу изучали только до Гоголя, а что было позднѣе его, то изгонялось даже изъ обихода домашняго чтенія. Все это пережито Андреевымъ и имѣло свое вліяніе. Возьмите хотя бы такую страничку изъ жизни талантливаго писателя:

„Въ шестомъ классѣ гимназіи,—разсказываетъ онъ,—въ началѣ года вдругъ я вознесся до титула перваго ученика. Себѣ я не вѣрилъ, и никто не вѣрилъ, чтобы это могло случиться. Приходитъ классный наставникъ въ классъ и спрашиваетъ: „А знаете, кто у васъ первымъ ученикомъ?“ —Слышатся двѣ-три фамиліи. — „Нѣтъ... нѣтъ“—отвѣчаетъ вопрошавшій,—не угадали... Андреевъ“. „О-о-о!.. го-о-о! у-у-у!“—слышится въ классѣ. И тяжело, я вамъ скажу, было мнѣ быть первымъ ученикомъ. Чувствовалъ я, что недостоинъ былъ этого, а вотъ поди те —учителя какъ-то опредѣлили это и вознесли. Бывало, чуть кто-нибудь изъ товарищей запнется съ отвѣтомъ, сейчасъ: „А ну-ка, Андреевъ, вы должны знать...“ Стою и чувствую, что ничего этого я знать не долженъ, не могъ знать, потому что учитель, спрашивавшій меня, не вдохнулъ въ меня любознательности къ тому, о чемъ шла рѣчь. Когда въ послѣднюю четверть я опустился до низшаго званія послѣдняго ученика, меня опять сослали въ „камчатку“, и сосѣмъ забыли обо мнѣ мои наставники... Никому изъ учителей не приходило въ

голову, что вотъ тамъ, въ „камчаткѣ“, обитаетъ этакій гимназическій сахалинецъ. И знать онъ хочетъ, и хочетъ быть добронравнымъ ученикомъ съ точки зрѣнія самихъ же преподавателей, а вотъ, подите, сослали на „Сахалинъ“ и забыли!.. Не мало, скажу вамъ, погибло на гимназическихъ „камчаткахъ“ юныхъ каторжанъ науки“!..

V.

О началѣ студенческой жизни Л. Н. Андреева матушка его Анастасія Николаевна, разсказываетъ слѣдующее:

— Кончилъ Леонидъ гимназію, и задумалась я о дальнѣйшемъ... Въ университетъ хотѣла отдать во что бы то ни стало, а денегъ не было, да кромѣ того подростали и учились еще три брата Леонида да двѣ сестры. Заложила и домъ, и землю и отправила его въ Петербургъ... Склоняли мы его поѣхать въ Москву, поближе отъ Орла, но онъ захотѣлъ въ Петербургъ...

— Почему же такъ?

— Трудно объяснить! Жилъ и только мечталъ о Петербургѣ. Влекло его въ шумную столицу, а тутъ орловцы, студенты и курсистки, подогрѣвали рѣшимость. Поѣхалъ въ Петербургъ и на первыхъ порахъ поголодалъ изрядно. Знакомыхъ въ Петербургѣ—никого, а наши орловцы въ большинствѣ тоже были все люди необезпеченные. Поступилъ онъ на юридическій, поголодалъ и рѣшилъ перекочевать

въ Москву... Попроще была Москва-то да и поближе... А потомъ уже и я поднялась съ насиженнаго мѣста, продала домикъ и перебралась въ Москву. Денегъ со мной было всего полторы тысячи, съ этимъ и начали новую жизнь въ Москвѣ...

Денегъ, о которыхъ здѣсь говорится, дѣйствительно, хватило не на долго: матери Андреева пришлось отдать въ реальное подросшаго второго сына, да позаботиться и о двухъ остальныхъ, которыхъ тоже надо было учить, школьнаго возраста достигли и двѣ дочери. Анастасія Николаевна въ это время нанимала большую квартиру и сдавала комнаты. Этимъ заработкомъ только и жила семья, да тѣмъ, что зарабатывалъ старшій сынъ, Леонидъ. Планъ съ отдачей комнатъ въ наймы часто разстраивался, и надъ семьей снова блисталъ Дамокловъ мечъ недостатковъ.

О своихъ студенческихъ годахъ Андреевъ разсказываетъ:

„На первомъ курсѣ въ Петербургѣ я даже голодалъ—не столько, впрочемъ, отъ настоящей нужды, сколько отъ молодости, неопытности и неумѣнія утилизировать лишнія части костюма; мнѣ и сейчасъ стыдно подумать, что я могъ два дня ничего не ѣсть въ то время, какъ у меня было двѣ или три пары брюкъ, два пальто, теплое и лѣтнее и т. п.

„Оканчивалъ курсъ я въ московскомъ университетѣ. Здѣсь матеріально жилось лучше: помогали товарищи и „комитетъ“, но въ другихъ отношеніяхъ я съ большимъ удовольстві-

емъ вспоминаю петербургскій университетъ; въ послѣднемъ сильнѣе дифференціація студенчества, и среди рѣзко выраженныхъ и обособленныхъ группъ скорѣе можно найти подходящую для себя среду."

Указаніе на различіе студенческой жизни въ Москвѣ и Петербургѣ—весьма существенный пунктъ въ біографіи Андреева. Петербургская жизнь писателя какъ разъ совпала съ тѣми годами, когда среди учащейся молодежи и интеллигенціи появились первые марксисты, и съ ихъ появленіемъ началась идейная война съ народничествомъ и съ „субъективистами", во главѣ съ Н. К. Михайловскимъ. Марксизмъ того времени еще не захватывалъ широкихъ кружковъ молодежи, а ютился въ интимныхъ группахъ. Сочиненія Маркса и Энгельса изучались въ кружкахъ. Къ одному изъ такихъ кружковъ примкнулъ и Андреевъ, но его отношенія къ марксистамъ носили характеръ случайныхъ встрѣчъ. Это не помѣшало ему самостоятельно изучить политическую экономію и зналъ онъ науку о народномъ хозяйствѣ основательно. Борьба марксистовъ съ субъективистами, какъ извѣстно, съ годами все больше и больше обострялась, захвативъ широкія партійныя группы. Въ этой борьбѣ уже чувствовалась будущая борьба двухъ лѣвыхъ партій, а Андреевъ всегда старался избѣжать кружковаго воздѣйствія, о чемъ мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Андреевъ разсказываетъ, напримѣръ, о томъ, какъ иногда въ кружкѣ товарищей возбуждалъ

противъ себя неудовольствіе и только тѣмъ, что «говорилъ не на тему». Одинокій оппонентъ въ товарищескихъ кружкахъ, въ то время, все еще былъ подъ вліяніемъ Гартмана и Шопенгауэра, и это вліяніе дѣлало его возраженія пессимистическими, что, конечно, не могло нравиться піонерамъ марксизма. Впослѣдствіи Андреевъ окончательно отпалъ отъ марксистскихъ кружковъ, продолжая изучать Маркса самостоятельно.

Въ средѣ московскаго студенчества будущій писатель окунулся въ потоки иныхъ настроеній. О московскихъ товарищахъ Андреева всего лучше судить по группамъ студентовъ, выведеннымъ писателемъ въ его двухъ пьесахъ «Дни нашей жизни» и «Gaudeamus». Въ обѣихъ этихъ пьесахъ, несомнѣнно, много автобіографическаго матеріала, какъ и въ тѣхъ разсказахъ и очеркахъ, въ которыхъ выведены гимназисты. Л. Н. Андреевъ и самъ не отрицаетъ этого, оговариваясь, однако, существенной поправкой въ томъ смыслѣ, что воспроизведенное въ разсказахъ изъ гимназической и студенческой жизни «сходно лишь по настроенію», фактическія же данныя разсказовъ не всегда совпадаютъ съ пережитымъ.

Въ этомъ отношеніи намъ удалось слышать весьма интересное признаніе самого писателя относительно «Разсказа о Сергѣѣ Петровичѣ». Разсказъ этотъ—точное воспроизведеніе дѣйствительности. Жилъ на свѣтѣ, дѣйствительно, студентъ Сергѣй Петровичъ, покончившій разсчеты съ жизнью самоубійствомъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ сочиненіями

Ницше интересовались еще немногіе, мрачнаго философа читали только въ подлинникѣ и, кажется, только одна статья проф. Введенскаго и была напечатана о немъ, если не ошибаемся, въ «Журналѣ Философіи и Психологіи». Одинъ изъ товарищей студента Андреева, студентъ П., въ настоящее время профессоръ университета, предложилъ Леониду Николаевичу переводить вмѣстѣ книгу Ницше «Такъ говорилъ Заратустра». Нѣмецкимъ Андреевъ владѣлъ не важно, такъ что переводилъ, главнымъ образомъ, П. Къ нимъ примкнулъ и тотъ студентъ, который потомъ выведенъ Андреевымъ въ разсказѣ подъ именемъ Сергѣя Петровича. Напомню читателю, что наряду съ переживаніями главнаго героя разсказа, Сергѣя Петровича, нѣтъ точныхъ указаній на то, что переживалъ студентъ Новиковъ, т. е. П., нѣтъ указаній и на то, какъ относился къ философіи Ницше и третій участникъ совмѣстныхъ чтеній, самъ Андреевъ. Онъ представленъ въ разсказѣ только, какъ объективный разсказчикъ того, какъ жилъ и страдалъ студентъ Сергѣй Петровичъ, для котораго вся жизнь свелась къ роковой формулѣ: «если жизнь не удастся тебѣ, то удастся смерть». Внимательно изучивъ всѣ сочиненія Андреева, не трудно, разумѣется, установить его отношеніе къ Ницше, да это уже и сдѣлано многими критиками. У Андреева есть даже фельетонъ подъ названіемъ «Если жизнь не удастся тебѣ, то удастся смерть», написанный имъ послѣ постановки на сценѣ московскаго художественнаго театра пьесы—Гауптмана «Михаилъ Крамеръ»

Фельетонъ этотъ заслуживаетъ вниманія тѣхъ, кто захочетъ познакомиться съ ницшеанствомъ самого Андреева, не говоря уже о томъ, что „Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“ въ этомъ смыслѣ является самымъ цѣннымъ.

Типы студентовъ имѣются еще въ разсказахъ «Бездна», «Иностранецъ», «Смѣхъ» и въ разсказѣ «Въ темную даль». Типъ курсистки въ разсказѣ «Нѣтъ прощенія».

Судить о матеріальномъ положеніи студента Андреева можно еще и по слѣдующимъ даннымъ его автобіографіи:

„За это время я дѣлалъ одну или двѣ неудачныхъ попытки писать, но съ большимъ удовольствіемъ и успѣхомъ отдавался живописи, которую люблю съ дѣтства, а именно: рисовалъ на заказъ портреты, по 3 и 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я сталъ получать за портреты по 10 и даже по 12 руб.“.

Въ это же время Андреевымъ былъ написанъ и разсказъ «О голодномъ студентѣ», тотъ самый разсказъ, о которомъ авторъ когда-то писалъ: „Я плакалъ, когда писалъ его, а въ редакціи („Недѣли“), когда мнѣ возвращали рукопись, смѣялись“. (С. А. Венгеровъ. Словарь „Брокгауза и Эфрона“ дополн. томъ).

Разсказываетъ Андреевъ и о второй своей попыткѣ напечататься. Написалъ онъ разсказъ «Обнаженная душа», который до сихъ поръ хранится у одного изъ московскихъ друзей писателя.

„Сколько я разбираюсь теперь въ явленіяхъ, это былъ характерно-декадентскій разсказъ и—

любопытно—написанный тогда, когда еще декадентство почти вовсе не заявило себя ничѣмъ. Я помню, что здѣсь былъ изображенъ глубокій старикъ, достигшій трагической способности читать въ человѣческихъ сердцахъ, такъ что для него не было ничего сокровеннаго ни въ комъ...

„Разумѣется, чѣмъ болѣе эта обнаженная душа соприкасалась съ людьми, тѣмъ трагичнѣе были ея впечатлѣнія, и сколько помнится, этому человѣку на оставалось, въ концѣ концовъ, ничего иного, какъ кончить самоубійствомъ. Между прочимъ, помню подробность: этотъ старикъ видѣлъ человѣка, бросившагося подъ поѣздъ. Ему отрѣзало голову. И, вотъ, онъ видѣлъ, что думаетъ мозгъ въ отрѣзанной головѣ.

„Я отдалъ разсказъ въ „Сѣверный Вѣстникъ“, и помню письмо критика А. Волынскаго, которымъ онъ отказалъ мнѣ въ помѣщеніи рукописи, ссылаясь на то, что это „слишкомъ фантастично, слишкомъ необычайно“,—что-то въ этомъ родѣ“.

Содержаніе этого нигдѣ ненапечатаннаго произведенія даже въ передачѣ самого автора „на память“ должно, мнѣ кажется, заинтересовать будущаго историка творчества Андреева. Особенно характерны въ передачѣ Андреева строки: „чѣмъ болѣе эта обнаженная душа соприкасалась съ людьми, тѣмъ трагичнѣе были ея впечатлѣнія“. Развѣ же не таковъ самъ Андреевъ, и развѣ же не обнажена его душа?.. Андреевъ помнитъ, что герою его разсказа „ничего иного не оставалось, какъ кончить самоубійствомъ“.

Но, вѣдь, и самъ Андреевъ въ годы студенчества трижды покушался на самоубійство.

„Въ 1894 г. въ январѣ,—пишетъ онъ,—я неудачно стрѣлялся: послѣдствіемъ неудачнаго выстрѣла было церковное покаяніе, наложенное на меня начальствомъ, и болѣзнь сердца, не опасная, но упрямая и надоѣдливая".

Въ воспоминаніяхъ о студенческихъ годахъ г. Петронія (П. П—скаго), напечатанныхъ въ газетѣ „Свободная Мысль", находимъ такія строки: „Леонидъ Андреевъ покушался на себя ножемъ и револьверомъ Лефоше, и тогда, когда онъ бросился почти роковымъ и ужаснымъ образомъ подъ поѣздъ".

Мнѣ удалось слышать разсказъ очевидца о томъ трагическомъ моментѣ, когда Андреевъ покушался на собственную жизнь ударомъ ножа въ грудь. Это случилось на обыкновенной „кружковой" студенческой вечеринкѣ (въ Петербургѣ). Много на этой вечеринкѣ веселились, пѣли и плясали „Казачка" и „Гопака", много и пили, была даже „мертвецкая"... Но много также на этой вечеринкѣ спорили и говорили. Въ средѣ молодежи всегда есть поводъ къ горячимъ спорамъ. Всегда имѣются у насъ въ общественной жизни и въ жизни студенчества поводы къ тому, чтобы молодежь волновалась, спорила и нервничала. Былъ такимъ нервнымъ и тотъ вечеръ, когда Андреевъ покушался на самоубійство, нервный вечеръ съ безконечными спорами, можетъ быть, даже и ссорами между отдѣльными собесѣдниками...

Если писать біографію по рецепту Вс. Ча-

говца изъ „Кіевской Газеты“, который писалъ, что въ кружкахъ студенчества существовалъ терминъ: *пить по андреевски: аршинъ колбасы и аршинъ рюмокъ*, то, конечно, и въ разсказъ, о которомъ идетъ рѣчь, можно ввести этотъ тонъ, но это не будетъ полной правдой, и, во всякомъ случаѣ, это будетъ только нѣчто внѣшнее изъ жизни человѣка. Чтобы быть на высотѣ объективной правды, необходимо знать кое-что еще и изъ внутреннихъ переживаній дѣйствующихъ лицъ описываемаго момента.

Очевидецъ случая съ Андреевымъ какъ разъ разсказываетъ о томъ, что поводовъ къ нервничанью и разнаго рода эксцессамъ именно на этой вечеринкѣ было не мало. И поводы эти были не личнаго характера, а отголосокъ общественной и студенческой жизни. Надо припомнить все, что волновало студенчество въ этотъ вечеръ, надо знать, что говорилось на вечеринкѣ участниками ея и Андреевымъ, и какъ эти разговоры воспринималъ самъ Андреевъ.

Онъ по-своему воспринялъ впечатлѣнія вечеринки, и результатомъ пережитого явилась попытка на самоубійство.

Всѣ такого рода эксцессы изъ личной жизни Андреева находятся въ непосредственной связи и съ его личными переживаніями и общественнымъ настроеніемъ. Чтобы разсѣять сомнѣнія на этотъ счетъ, приведу болѣе или менѣе точно одну мою бесѣду съ Леонидомъ Николаевичемъ. Побуждаемый желаніемъ изслѣдовать вопросъ о томъ, какими путями шло міросозерцаніе писателя съ юношескихъ лѣтъ до настоящаго

момента, и кто изъ писателей или философовъ, а также, какіе обстоятельства жизни оказывали вліяніе на міросозерцаніе этого человѣка, я задалъ рядъ вопросовъ и получилъ отвѣтъ.

Андреевъ вспоминалъ первые шаги сознательнаго чтенія и сознательнаго отношенія къ жизни. Гартманъ и Шопенгауэръ, а позднѣе—Ницше,—владѣли сознаніемъ будущаго писателя въ тѣ годы. Затѣмъ выступилъ Левъ Толстой со своей неуклонно-властной, но утопической проповѣдью.

Увлекся я произведеніемъ Толстого «Въ чемъ моя вѣра», увлекся и проштудировалъ книгу великихъ исканій... Прочелъ, но вѣры толстовской цѣликомъ не воспринялъ. Положительную часть ученія—вѣру въ Бога, совершенствованіе личной жизни ради одной цѣли—Богъ,—не воспринялъ и отбросилъ, какъ нѣчто чуждое мнѣ, и осталось только то, что отрицалось Толстымъ до предѣловъ его положительнаго ученія. И я спрашивалъ себя: какая цѣль моей жизни, если во мнѣ нѣтъ стремленія къ Богу по существу толкованій «великаго писателя земли русской»? И вотъ, однажды, въ ясную майскую ночь я былъ въ компаніи молодежи. Было весело, шумно и интересно. Возвращались мы по полотну желѣзной дороги. Кто-то въ толпѣ еще спорилъ, не имѣя силъ покончить съ темой, затронутой еще на пикникѣ. Кто-то шѣлъ, другіе мальчишествовали, толкались, играли въ чехарду. А я отсталъ отъ остальныхъ, шелъ сзади и былъ мраченъ въ своемъ одиночествѣ. И спрашивалъ я себя: съ

какой цѣлью *тѣ* спорятъ, съ какой цѣлью *эти* поютъ? Почему, зачѣмъ они это дѣлаютъ? Почему и зачѣмъ мы идемъ по полотну дороги? Для чего строилась эта дорога? Для чего они, мои товарищи, веселятся и живутъ? И вдругъ, на виду у поѣзда, во мнѣ обострилась мысль о самоубійствѣ, и я легъ между рельсъ, задавшись вопросомъ: если останусь живъ, значитъ, есть смыслъ въ моей жизни, если же поѣздъ раздавитъ меня, стало быть, въ этомъ воля Провидѣнія... Мнѣ зашибло грудь и голову, расцарапало лицо, сорвало съ меня куртку, разодрало въ клочья, но я все же остался невредимъ... Тогда мнѣ было 16 лѣтъ.

Вотъ тотъ источникъ переживаній юнаго Андреева, откуда онъ черпалъ свои мрачные выводы о цѣли жизни. Къ счастью, всѣ попытки Андреева къ самоубійству закончились благополучно. Всѣ онѣ—результатъ неудовлетвореннаго исканія смысла жизни. Это настроеніе сопутствовало Андрееву до начала его сотрудничества въ «Курьерѣ», а дальнѣйшая литературная дѣятельность писателя и ранній литературный успѣхъ опредѣлили и смыслъ жизни, и пути жизни.

VI.

Въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ Андреевъ говоритъ о томъ, что еще въ гимназіи къ его сочиненіямъ очень благосклонно относился директоръ и преподаватель русскаго языка И. А. Бѣлоруссовъ, о писатель-

ствѣ же онъ задумался впервые лѣтъ семнадцати. Любопытно, что въ дневникѣ юнаго Андреева, относящемся къ этой порѣ, имѣется пророческая запись. Андреевъ писалъ, что въ будущемъ онъ непремѣнно завоюетъ себѣ почетное званіе «знаменитаго» писателя, и своими писаніями разрушитъ и мораль, и установившіяся человѣческія отношенія, разрушитъ любовь и религію и закончитъ свою жизнь всеразрушеніемъ.

Началъ свою литературную карьеру Андреевъ такъ же, какъ и большинство беллетристовъ. Вѣрилъ въ свои рукописи и носилъ ихъ по редакціямъ, побывалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Нивѣ» и друг. изданіяхъ. Первыя неудачи разочаровали будущаго писателя, и къ окончанію курса въ университетѣ т. е. къ 27 годамъ, онъ уже не думалъ писать и сталъ готовиться къ адвокатской карьерѣ.

Но здѣсь въ судьбу Андреева вмѣшалась „случайность," какъ онъ самъ говоритъ. Одинъ московскій адвокатъ, знавшій о писательскихъ попыткахъ Андреева, предложилъ ему работу судебнаго репортера въ „Московскомъ Вѣстникѣ." До этого будущій беллетристъ сотрудничалъ и въ „старинномъ" „Русскомъ Словѣ", но это сотрудничество было по-истинѣ странное. Андреевъ велъ *отдѣлъ справокъ*, печатая въ газетѣ такія сообщенія: „Палата бояръ Романовыхъ открыта по такимъ-то и такимъ-то днямъ, съ такого-то и по такое-то время," или: „Галлерея Третьяковыхъ открыта тогда-то и тогда-то." И зарабатывалъ этими „справками" Андреевъ по 30 коп. въ день.

„Какъ репортеръ, я заслужилъ одобреніе редакціи, мѣсяца черезъ два перекочевалъ въ только что возникшую газету «Курьеръ,“ а дальше все уже пошло по-писаному.“

Секретарь редакціи „Курьера,“ г. Новикъ, разсказываетъ объ Андреевѣ на первыхъ порахъ его литературной дѣятельности слѣдующее:

„Судебные отчеты Андреева не были обычными репортерскими сообщеніями о разбиравшихся въ судѣ дѣлахъ. Онъ подходилъ къ вопросу не такъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ судебные хроникеры. Обвинительный актъ его совершенно не интересовалъ. Собранныя улики его вовсе не трогали. Все его вниманіе сосредоточивалось на характеристикѣ подсудимаго и среды, въ которой онъ вращался. Съ каждымъ разомъ эта сторона его отчетовъ все больше выдвигалась на первый планъ, и я, какъ завѣдывавшій редакціей, попросилъ его принести мнѣ кое-что не изъ области криминальной.

— Не можетъ быть, чтобы вы не написали какого-либо разсказа,—сказалъ я ему.—Навѣрное, вы согрѣшили какимъ нибудь беллетристическимъ произведеніемъ?

„Черезъ нѣсколько дней Леонидъ Николаевичъ приноситъ мнѣ ученическую тетрадку въ 20 страницъ съ разсказомъ. Я не помню даже названія его, смутно помню и содержаніе его. Помню только, что дѣйствіе происходило между небомъ и землей, и герой разсказа былъ чѣмъ-то среднимъ между Манфредомъ и Демономъ.

Разсказъ этотъ я прочелъ и черезъ нѣсколько дней, возвращая его Леониду Николаевичу,

предложилъ ему спуститься на землю, а не витать въ безвоздушномъ пространствѣ.

— Вы бываете въ судѣ, передъ вами проходитъ масса народа, попробуйте написать судебные очерки. Недѣли черезъ двѣ Л. Н. принесъ тетрадку, озаглавленную „Судебные очерки.“

Писаніе судебныхъ отчетовъ сыграло въ судьбѣ Андреева своеобразную роль. Помимо того, что работа эта пріучила его къ воспроизведенію наблюденій чрезъ посредство слова, она имѣла на него еще и другое благотворное воздѣйствіе.

— Въ юности плохимъ общественникомъ вообще былъ я,—говоритъ онъ,—а судъ, постоянное общеніе съ людьми, наблюденіе надъ ними въ необычной обстановкѣ, наконецъ, тайны чужой жизни, вскрывавшіяся во время судебныхъ процессовъ,—все это вскрывало предо мною тайны живыхъ людей. Судебныя драмы и комедіи показали мнѣ, какъ живутъ тѣ люди, которыхъ мы знаемъ толпой въ массѣ.

Съ добродушной улыбкой вспоминаетъ писатель одинъ изъ случаевъ своей адвокатской дѣятельности.

— Собственнаго фрака у меня не было и выступать на судѣ приходилось во фракахъ товарищей. Иной разъ попадетъ фракъ съ толстяка и чувствуешь себя въ немъ, какъ въ мѣшкѣ, боясь увидѣть себя въ зеркалѣ. Выходило комично! Но вотъ однажды фракъ пріятеля сыгралъ и плохую шутку: къ скорби моего кліента дѣло было проиграно. Фракъ ока-

зался настолько узкимъ, что мнѣ трудно было жестикулировать, а моя рѣчь въ тѣ времена безъ соотвѣтствующихъ патетическихъ жестовъ ничего не значила. Чтобы разжалобить судей и спасти кліента, я долженъ былъ скрещивать руки на груди и молитвенно складывать ихъ, а предательскій узкій фракъ не позволялъ этого. Весь въ поту отъ напряженія уронилъ я платокъ, и, съ трудомъ опустившись, чтобъ поднять его, разсмѣшилъ судей и присяжныхъ, и вся моя патетическая рѣчь утратила надлежащую силу воздѣйствія... Дѣло проигралъ!

Впечатлѣнія судебныхъ процессовъ, несомнѣнно, отразились на содержаніи разсказовъ его „Защита," „Первый гонораръ" и „Христіане." Въ этихъ работахъ несомнѣнны также и автобіографическія черты.

О томъ, при какихъ условіяхъ былъ написанъ первый разсказъ, Андреевъ разсказываетъ слѣдующее:

— Между тѣмъ подходила Пасха. Новикъ предложилъ мнѣ написать пасхальный разсказъ. Я написалъ его, и онъ былъ напечатанъ цѣлымъ фельетономъ за моей полной подписью. Это былъ „Баргамотъ и Гараська."

— Вы хотите знать, былъ ли я въ этотъ день счастливъ?—Да, конечно! До сихъ поръ я никогда не печатался такъ пышно. Прежде были какія-то задворки,—теперь я занималъ весь нижній этажъ газеты, подъ чертой. Моя печатная строка давно перестала для меня быть новостью. Самый разсказъ при мнѣ и набирался, и корректировался, и становился въ номеръ.

Но, конечно, было дорого получить его утромъ у себя дома, изъ рукъ почтальона.

— Какъ я отнесся къ нему?—Легкомысленно! Мнѣ было просто любопытно, что этотъ разсказъ прочтутъ знакомыя мнѣ семьи Д., В. и т. д. Въ этотъ же вечеръ мнѣ случилось быть въ одной изъ такихъ семей. На столѣ я нашелъ газету съ разсказомъ. Она была измята, видимо, прочитана. Признаюсь, меня удивляло, что никто не заговорилъ о разсказѣ. Мнѣ казалось, что всѣ должны говорить о немъ.

— Съ этого и пошло. Разсказы стали время отъ времени появляться въ «Курьерѣ.» Тогда же мнѣ предложили писать небольшіе фельетоны на злобы дня, подъ общимъ заголовкомъ „Впечатлѣнія“ за подписью „Л-въ.“ Писалъ я и большіе фельетоны, подписывая ихъ псевдонимомъ „Джемсъ-Линчъ.“ („Литер. Олимпъ,“ стр. 248-я).

Работалъ я очень много, но въ деньгахъ нуждался,—разсказываетъ далѣе Андреевъ въ книгѣ „Первые литер. шаги“: половину у меня черкала цензура, а за другую половину оставалось по тогдашней построчной платѣ не такъ ужъ много. Помню, что за разсказъ „Большой шлемъ“ я получилъ 18, не то 19 рублей. Въ редакціи „Курьера“ ко мнѣ относились хорошо, чувствовалъ я тамъ себя превосходно и, попавъ подъ гипнозъ типографской краски, безо всякаго дѣла просиживалъ ночи въ типографіи съ секретаремъ И. Д. Новикомъ. Благодарную память храню я и о редакторѣ нашей газеты Я. А. Фейгинѣ.“

Когда подумаешь, сколько томительныхъ лѣтъ пережилъ покойный А. П. Чеховъ, пока, наконецъ, признала его критика, удивляешься чеховскому долготерпѣнію. Л. Н. Андреевъ представляется въ этомъ отношеніи счастливѣйшимъ писателемъ. Черезъ пять лѣтъ литературной дѣятельности онъ получилъ уже извѣстность въ Россіи, а къ моменту его десятилѣтняго юбилея его узнала уже Европа и даже Америка. Горькій завоевывалъ славу съ бо́льшимъ трудомъ, не говоря уже о Купринѣ, или Арцыбашевѣ, или о Бунинѣ.

Тотъ же Горькій сыгралъ не малую роль въ литературной судьбѣ автора разсказа „Жили-Были", съ котораго, собственно, и началась извѣстность Андреева. Я помню, съ какимъ восхищеніемъ разсказывалъ въ редакціи „Жизни" Горькій о новомъ молодомъ талантѣ. Его восхищеніе раздѣлялъ и В. А. Поссе, бывшій въ то время редакторомъ „Жизни".

Изъ критиковъ первыми замѣтили Андреева А. А. Измайловъ и І. І. Ясинскій, написавшіе статьи въ „Бирж. Вѣд." и „Ежем. Сочин.", но публика, создающая репутацію писателя, повидимому, не услышала первыхъ привѣтствій молодого таланта. Объ Андреевѣ заговорили въ литературныхъ кружкахъ только послѣ того, когда въ ноябрьской книжкѣ „Рус. Бог." за 1901 г. появилась статья Н. К. Михайловскаго о первомъ томикѣ разсказовъ Андреева. Но я не могу умолчать объ одномъ фактѣ и не могу не упомянуть объ одномъ писателѣ, который содѣйствовалъ появленію перваго томика разсказовъ Андреева. Писатель этотъ—В. А. Поссе.

Весною 1901 г. журналъ „Жизнь“ былъ закрытъ администраціей, а сотрудники его, ближайшіе къ редакціи, потерпѣли. Въ числѣ потерпѣвшихъ былъ и Поссе, высланный въ Финляндію, послѣ тюремной отсидки. Я навѣстилъ В. А. Поссе на дачѣ въ Олилла и засталъ у него Е. Н. Чирикова. Потерпѣвшіе сотрудники „Жизни“ сидѣли въ саду у столика и перечитывали разсказы Л. Н. Андреева. Какъ сейчасъ вижу толстую тетрадь съ наклеенными вырѣзками изъ газетъ. Въ этой тетради были сгруппированы фельетоны Андреева, которые помѣщались имъ въ „Курьерѣ“ за подписью Джемсъ Линчъ, и разсказы, напечатанные въ той же газетѣ. Въ этотъ вечеръ, о которомъ не подозрѣваетъ, можетъ быть, даже и самъ Андреевъ, зародился первый томикъ его разсказовъ, давшій ему потомъ извѣстность.

— Буду уговаривать нашихъ соиздателей, чтобы непремѣнно издать разсказы Андреева.

Поссе могъ говорить такъ, потому что въ то время былъ однимъ изъ пайщиковъ фирмы „Знаніе“ и вмѣстѣ съ Горькимъ принималъ участіе въ редактированіи изданій упомянутой фирмы. А черезъ два мѣсяца на книжномъ рынкѣ появилась первая книжка разсказовъ Л. Андреева.

О роли Горькаго и Н. К. Михайловскаго въ своей судьбѣ самъ Андреевъ разсказываетъ слѣдующее:

„Однажды, когда я пришелъ въ редакцію („Курьера“), мнѣ сказали, что Горькій прислалъ на имя одного изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, кажется, Н. П. Ашешева, письмо, спрашивая,

кто такой пишетъ подъ псевдонимомъ „Леонидъ Андреевъ“. На это письмо я отвѣтилъ ему лично.

„Такъ началась переписка между нами, а нѣсколько позднѣе произошло и личное знакомство. Алексѣй Максимычъ проѣзжалъ черезъ Москву экстренно и назначилъ мнѣ встрѣчу на вокзалѣ. Онъ былъ тогда въ зенитѣ своей славы. Я помню, съ какимъ волненіемъ торопился на вокзалъ, боясь, что опоздаю, и ту первую минуту, когда увидѣлъ такъ знакомое по портретамъ его лицо, барашковую шапку и узкое пальто на высокой фигурѣ“.

„Ему я обязанъ безконечно въ смыслѣ прояснения моего писательскаго міровоззрѣнія. Никогда до бесѣдъ съ нимъ я не смотрѣлъ такъ серьезно на свой трудъ и свой даръ. Онъ первый заговорилъ о такой для меня сомнительной вещи, какъ мой талантъ, о моей отвѣтственности передъ этимъ талантомъ и т. д. Онъ первый научилъ меня уважать высоту писательства.

„Горькій посовѣтовалъ мнѣ направить разсказъ Миролюбову въ „Журналъ для всѣхъ“. Затѣмъ появились въ „Жизни“—„Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“ и „Жили-Были“.

„Въ смыслѣ установки имени я многимъ обязанъ покойному Н. К. Михайловскому, съ большимъ сочувствіемъ написавшему обо мнѣ въ „Русскомъ Богатствѣ“. Вскорѣ послѣ статьи я получилъ отъ него письмо. Онъ давалъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ и просилъ разсказъ для своего журнала. Я отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ на нѣсколькихъ страницахъ и вскорѣ

послалъ ему свою „Мысль“, потомъ напечатанную въ „Мірѣ Божьемъ“. Онъ возвратилъ мнѣ ее при письмѣ, въ которомъ говорилъ, что не понимаетъ такого разсказа. Какой можетъ быть въ немъ идейный смыслъ? Если же это просто клиническая картинка душевнаго распада человѣка, то онъ не достаточно компетентенъ, чтобы судить, насколько точно я рисую психологію больного. Тутъ нужно судить психіатру.

„Наши встрѣчи съ нимъ были немногочисленны. Однажды онъ пріѣхалъ ко мнѣ на дачу. Я никакъ не могъ ожидать такой чести и съ изумленіемъ узналъ въ слѣзающемъ съ извозчика старикѣ съ дрожащими руками Николая Константиновича.

„И послѣ исторіи съ „Мыслью“ онъ относился ко мнѣ очень симпатично. Въ „Русскомъ Богатствѣ“ былъ затѣмъ напечатанъ мой разсказъ „Иностранецъ“. Николай Константиновичъ откровенно говорилъ мнѣ о томъ, что ему во мнѣ не нравилось, и на экземплярѣ подаренныхъ мнѣ своихъ сочиненій написалъ: „Л. Н. Андрееву отъ любящаго, *не смотря на* „Ложь“ и „Стѣну“, автора“. Этихъ разсказовъ онъ не одобрялъ. („Литер. Олимпъ“, стр. 250-я).

Красивой, грустной тѣнью прошла черезъ жизнь Л. Н. Андреева его первая жена, Александра Михайловна, скончавшаяся 27 ноября 1906 года. 30 лѣтъ было Андрееву, когда онъ женился на Александрѣ Михайловнѣ, урожденной Велигорской. У нихъ родился сынъ Дима, а черезъ пять лѣтъ Александры Михайловны не стало. Я всего раза два-три встрѣчался съ по-

кой, когда Андреевы жили въ Москвѣ, но до сихъ поръ во мнѣ живо впечатлѣніе этихъ встрѣчъ. Нѣжная, хрупкая, съ какой-то тихой грустью въ глазахъ, она точно чувствовала свою недолгую жизнь, близко принимая къ сердцу судьбу литературныхъ произведеній мужа, нуждающагося въ дружбѣ и поощреніи.

Лично, больше меня знавшее Александру Михайловну и ея отношенія къ мужу, характеризуетъ покойную такъ:

„Она была женою-другомъ, любовно относясь къ литературѣ, вооруженная тонкимъ художественнымъ чутьемъ и острымъ чувствомъ изящнаго, она дѣятельно работала съ мужемъ. Все написанное имъ сообща обсуждалось, и ко всему написанному имъ Александра Михайловна относилась возможно объективно и строго. Послѣднее произведеніе „Жизнь Человѣка“ (Это писалось въ годъ смерти Андреевой. В. Б.),—которому суждено будетъ надѣлать много шуму своей индивидуальной формой и смѣлымъ новаторствомъ, написано Л. Н., по его собственному признанію, „при особенно дѣятельномъ ея участіи“. Къ этому новаторству Александра Михайловна толкала Леонида Андреева смѣлой рукой,—и они шли рядомъ другъ съ другомъ, вмѣстѣ думая, вмѣстѣ работая“.

Посвящая покойной женѣ-другу пьесу „Жизнь Человѣка“, Л. Андреевъ выразилъ свое посвященіе въ такихъ фразахъ:

«Свѣтлой памяти моего друга,
моей женѣ отдаю эту вещь,
послѣднюю,
надъ которой мы работали вмѣстѣ».

А вотъ и еще строки изъ частнаго письма Андреева: „О насъ пишутъ много, но рѣдко говорятъ о тѣхъ, кто такъ рѣшительно вліяетъ на нашу жизнь и творчество“. Эти слова также относятся къ свѣтлой памяти покойной Александры Михайловны, которая, благодаря близости къ Л. Н. также, хотя и косвенно, служила литературѣ.

VII.

Л. Андреевъ ополчилъ противъ себя почти всѣхъ критиковъ, вызвалъ необычайное разнообразіе мнѣній, отъ положительнаго признанія его литературной дѣятельности, до неприличной и, конечно, неубѣдительной брани со стороны „правыхъ“, до епископовъ и іеромонаховъ включительно, которые вели систематическую борьбу противъ его „Анатэмы“. Но и критики „лѣвыхъ“ изданій его не щадили и не щадятъ; не щадятъ и тѣ „промежуточные“ или безпартійные критики-эстеты, которые сгруппировались около модернистскихъ изданій. Отъ Андреева отмахнулись символисты и декаденты, хотя и по сейчасъ нѣкоторые невѣжественные критики именуютъ его *декадентомъ*, да и въ широкой публикѣ нерѣдко слышишь это же опредѣленіе. Не считаютъ Андреева своимъ и реалисты, и бытовики. Какимъ-то одинокимъ, не укладывающимся въ рамки опредѣленныхъ литературныхъ направленій и школъ, живетъ и работаетъ Андреевъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ такого изданія—развѣ за исключеніемъ крайнихъ пра-

выхъ,—которое не пожелало бы имѣть Андреева въ группѣ своихъ сотрудниковъ.

Съ момента появленія разсказа „Бездна“ Андреевъ попалъ въ водоворотъ критическихъ выступленій, но остался самимъ собою до нашихъ дней. Эта устойчивость и вѣрность себѣ, несомѣнно, признакъ сильной воли писателя и симптомъ цѣлесообразнаго развитія художника, не похожаго на многихъ его современниковъ. Былъ моментъ, когда Андреевъ вызвалъ цѣлую вакханалію литературнаго спора, осложнилъ расколъ въ семьѣ критиковъ, еще недавно одинаково мыслящихъ. Припомните полный раздраженія фельетонъ г. Философова подъ заголовкомъ „Вокругъ и около Андреева“. Припомните, что въ это время писалось Мережковскимъ, Гиппіусъ, Минскимъ, Луначарскимъ, Невѣдомскимъ и друг. Отголоски литературнаго спора разнеслись и по провинціальной прессѣ, взволновали кружки молодежи и заинтриговали широкія читательскія массы. Этотъ литературный шумъ вокругъ имени Андреева порожденъ былъ появленіемъ въ печати его пьесы „Царь Голодъ“, и читатели откликнулись на него: въ одинъ день пьеса разошлась въ количествѣ 18.000 экземпляровъ, какъ гласитъ справка г. Чуковскаго.

Разобраться во всемъ разнообразіи литературно-критическихъ мнѣній о Л. Андреевѣ задача не легкая и, во всякомъ случаѣ, превышающая предѣлы намѣченной нами задачи, и мнѣ поневолѣ придется вкратцѣ коснуться этого вопроса, лишь бы отчасти выявить ту характеристику Андреева, которой откликнулись по адресу писателя его современники.

Страстность и какая-то неуравновѣшенность въ самомъ стилѣ работъ Андреева, глубина темъ, затронутыхъ имъ, причудливость трактовки и часто неожиданность обобщеній,—все это и всегда почти нервируетъ критиковъ, особенно критиковъ, вынужденныхъ къ спѣшному отклику на столбцахъ газетъ,—вызывая соотвѣтствующую нервность и причудливость сужденій. И много сужденій высказано объ Андреевѣ, безъ надлежащей доказательности и мотивировки, исключая, конечно, тѣ сужденія, которыя завѣдомо „субъективны“, или авторы которыхъ утратили границу между сужденіемъ и личными выступленіями.

И несмотря на разнообразіе литературныхъ мнѣній и на обширность списка статей и книгъ о Л. Андреевѣ, мы все же не имѣемъ болѣе или менѣе полнаго учета его дѣятельности. Но, несомнѣнно, въ этихъ работахъ будущій историкъ литературы найдетъ уже тѣ вѣхи, по которымъ пробиралась критическая оцѣнка писателя.

Намъ хотѣлось бы остановить вниманіе критики на одномъ, какъ намъ кажется, важномъ обстоятельствѣ въ біографіи Андреева. Писатель говоритъ, что увлеченіе его живописью должно быть выдѣлено и особенно отмѣчено въ его біографіи, потому что склонностью Андреева къ живописи можно кое-что выяснить и въ его особенностяхъ творчества. Къ сожалѣнію, никто изъ литературныхъ критиковъ не подошелъ къ оцѣнкѣ писателя, исходя изъ этого пункта; не сдѣлали попытки въ этомъ отношеніи и критики-

художники, анализъ которыхъ, несомнѣнно, могъ бы оказать услугу критикѣ литературной, и весьма возможно, что путь критики, на который указываетъ самъ Андреевъ, удержалъ бы отъ ошибочныхъ приговоровъ многихъ авторовъ, писавшихъ объ Андреевѣ.

Попытаемся посильно заполнить этотъ пробѣлъ. Ради этого намъ придется уклониться въ сторону нѣкоторыхъ подробностей личной жизни писателя.

Личная жизнь Андреева только кажется замкнутой и какъ бы безкрасочной. Онъ въ уединеніи, вдали отъ литературныхъ кружковъ, вдали отъ общественной жизни. Онъ «выдумываетъ и вымучиваетъ» свои сюжеты, говорятъ о немъ критики и читатели, не расположенные къ нему или не нашедшіе въ своей душѣ откликовъ на переживанія писателя. „Онъ насъ пугаетъ, а мы не боимся“, *) говорятъ тѣ, у кого есть свои объекты страха или ужаса. «Онъ не уважаетъ нашей религіи. Онъ разрушаетъ нашу мораль! Принижаетъ революцію, шаржируетъ типы голодныхъ людей и ввергаетъ въ «тьму» интеллигенцію“... Можно безъ конца продолжить серію упрековъ по адресу Андреева и слѣдовало бы

---

*) Этой фразой, *будто бы* сказанной Л. Н. Толстымъ, злоупотребляютъ теперь не только критики, но и читатели. Кстати отмѣтимъ здѣсь слѣдующее. За полгода до смерти Л. Н. Толстого Андреевъ побывалъ въ Ясной Полянѣ. Между прочимъ Л. Н. спросилъ Толстого: правда ли, что онъ сказалъ фразу: „Андреевъ меня пугаетъ, а мнѣ не страшно“. Покойный Толстой отвѣтилъ, что не помнитъ сказалъ ли то, что ему приписываютъ интервьисты.

учесть всѣ эти упреки, если бы въ нихъ можно было найти правду объ Андреевѣ. Можетъ быть, правда искомая въ нихъ и есть, но, несомнѣнно, есть и еще правда о нашемъ писателѣ, которую также необходимо вскрыть, ради уясненія его личности.

Года два назадъ одинъ изъ московскихъ лекторовъ, В. Э. Фриденбергъ, попытался указать на эту вторую правду объ Андреевѣ. Проведя параллель между Достоевскимъ и Андреевымъ, лекторъ напомнилъ слушателямъ, что еще авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ и „Преступленія и наказанія“ указалъ на нашу національную особенность—стремленіе при разрѣшеніи мучительныхъ вопросовъ бытія заглядывать „въ бездну“, съ дерзновеніемъ проникнуть въ ея темную, полную ужаса и тайны, глубину. Андреевъ самъ указалъ намъ на тотъ моментъ, когда онъ заглянулъ въ эту бездну и остался на много лѣтъ стоящимъ надъ нею. Это случилось тогда, когда Нѣмовецкій крѣпко прижималъ къ себѣ безжизненное, податливое тѣло Зиночки, когда это безжизненное тѣло изнасилованной дѣвушки будило въ Нѣмовецкомъ страсть и когда Нѣмовецкій „сохранилъ отъ человѣка только одну способность лгать“. (Т. I, разсказъ «Бездна» стр. 146).

Въ бездну человѣческаго бытія упало все человѣческое, а на краю бездны остались Нѣмовецкій, сохранившій только одну человѣческую способность лгать, да юный Леонидъ Андреевъ, склонившійся надъ „черной“ бездной. Но вотъ, черная бездна поглотила и Нѣмовецкаго. И

остался на краю бездны одинокій Леонидъ Андреевъ съ своей пытливостью познать тайну этой бездны.

И г. Фриденбергъ чуткой душой угадалъ, чего стоитъ Андрееву его многолѣтнее стояніе надъ бездной въ одиночествѣ съ своими исканіями. „Чего стоятъ самому художнику переживанія его произведеній,—говорилъ своимъ слушателямъ г. Фриденбергъ,—можно отчасти судить по двумъ его портретамъ, написаннымъ въ разное время Рѣпинымъ и Сѣровымъ. На первомъ портретѣ, относящемся къ болѣе раннему періоду жизни, Л. Андреевъ изображенъ жизнерадостнымъ, здоровымъ и сильнымъ молодымъ человѣкомъ, на второмъ, сѣровскомъ, съ полотна на васъ смотритъ изможденное, страдальческое лицо съ лихорадочно блестящими въ глубокихъ темныхъ орбитахъ глазами человѣка, созерцающаго бездну“ (Цитирую по отч. „Рус. Сл.“).

Кто же знаетъ изъ критиковъ и читателей, что переживаетъ писатель, когда въ безсонную ночь работы одиноко стоитъ надъ бездной человѣческаго бытія? Эту тайну можно только угадать, она скрыта даже отъ близкихъ писателя.

Мы ничего не знаемъ объ этихъ таинственныхъ безсонныхъ ночахъ, когда Андреевъ пишетъ. По утру на другой день онъ съ шутливой улыбкой выходитъ къ домашнимъ въ столовую и непремѣнно разсмѣшитъ присутствующихъ какой-нибудь шуткой. Иногда пожалуется на головную боль, но это уже тайна не только для его критиковъ и читателей, но этой тайны

не могутъ разгадать даже и врачи, къ которымъ Андреевъ обращается за совѣтомъ.

Андреевъ всегда страстный и неудержимый въ своихъ увлеченіяхъ работой. Увлекается онъ и работой кистью, увлекается и ѣздой на велосипедѣ, и прогулкой по морю на моторной лодкѣ.

— Море я люблю стихійной любовью,—говоритъ Андреевъ, и надо видѣть его на моторной лодкѣ, чтобы разгадать эту любовь.

Иногда онъ уплываетъ въ море одинъ, но едва ли кто-нибудь угадаетъ, какія переживанія сопутствуютъ ему въ этихъ одинокихъ прогулкахъ.

Но вернемся къ увлеченію Андреева живописью. Это увлеченіе красками нерѣдко отвлекаетъ писателя и отъ его литературныхъ работъ, но процессъ литературнаго творчества, повидимому, не пріостанавливается даже и тогда, когда Андреевъ съ палитрой въ рукахъ. Любя природу, Андреевъ никогда не пишетъ пейзажа; человѣкъ, какъ натура, интересуетъ его только, какъ объектъ анатоміи. За послѣдніе годы Андреевъ написалъ два-три портрета матери, жены и писателя Бѣлоусова, но зато имъ написано немало этюдовъ своеобразнаго заданія. Красками имъ написанъ Іуда, тотъ самый, которому посвященъ одинъ изъ лучшихъ разсказовъ писателя. Іуда въ краскахъ какъ бы упрощенъ съ внѣшней стороны воспроизведенія, но углубленъ въ смыслѣ внутренняго содержанія. Это не тотъ Іуда, въ которомъ критикъ Антонъ Крайній узналъ „современнаго жида изъ Вильны“. Интересно

написанъ Андреевымъ пастелью и этюдъ къ одной изъ сценъ изъ „Жизни Человѣка“. Зарисованы тѣ самые музыканты, которые такъ назойливо играютъ на балу у Человѣка. Избитый мотивъ пошлой музыки претворенъ писателемъ красочными карандашами и слитъ съ „пышной и богатой“ обстановкой на балу Человѣка. Сдѣлалъ писатель и этюдъ своего „Нѣкоего въ сѣромъ“. Режиссерамъ слѣдовало бы посмотрѣть на эту работу. „Нѣкто въ сѣромъ“ въ толкованіи Андреева карандашемъ такъ не похожъ на то, что дали намъ режиссеры московскаго театра и театра покойной Коммиссаржевской. Можетъ быть, художники изъ сравненія двухъ изображеній на сценѣ и на картонѣ какъ разъ и вскрыли бы ту тайну, какую устанавливаетъ самъ Андреевъ въ своемъ взаимоотношеніи увлеченія живописью и литературной работой. Въ коллекціи художественныхъ работъ Андреева имѣются еще этюды на тему искушенія Христа въ пустынѣ. Такъ и кажется что это— иллюстрація къ одному изъ эпизодовъ „Моихъ записокъ“. Съ особенной же любовью писатель пишетъ копіи съ работъ испанскаго художника Ф. Гойя.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ біографическихъ замѣтокъ Андреевъ, между прочимъ, заявляетъ, что натуры онъ не признавалъ даже въ юношескіе годы увлеченія живописью. Зная объ этомъ, какъ-то разъ я умышленно спросилъ Андреева, почему онъ не пишетъ съ натуры, и получилъ такой отвѣтъ:

— Искусство походитъ на жизнь такъ же,

какъ виноградъ на виноградное вино, какъ сказалъ, кажется, Грильпарцеръ. Жизнь общества, жизнь отдѣльнаго человѣка даютъ художнику только соки въ скрытомъ состояніи, и ужъ его дѣло выжать ихъ изъ наблюденнаго. Природа или натура въ живописи, какъ и въ литературѣ, даютъ мнѣ только матеріалъ, и я его уже перерабатываю въ своей лабораторіи, и это новое и похоже и не похоже на жизнь. А кто знаетъ, когда искусство совершеннѣй -тогда ли, когда оно приближено къ дѣйствительности или тогда, когда удалено отъ нея фантазіей художника?

Въ интервью съ критикомъ А. А. Измайловымъ по вопросу объ искусствѣ Андреевъ говоритъ, что онъ непоколебимо „вѣритъ въ силу логики жизни и души, которая не можетъ обманывать, когда о чемъ-нибудь серьезно подумаешь. Въ извѣстномъ положеніи *не можетъ быть* иначе, чѣмъ подсказываетъ художественное чутье". Источники художественнаго творчества Андреева—реальныя наблюденія и догадка.

И если реальныя наблюденія и жизнь для Андреева только матеріалъ, только „виноградъ", по толкованію Грильпарцера,—то „логика жизни и души" и „серьезная продуманность"—только вѣрное средство воспроизведенія жизни, только тотъ аппаратъ, посредствомъ котораго выжимаются виноградные соки. Переходя затѣмъ къ вопросу о самомъ процессѣ воспроизведенія художественныхъ впечатлѣній, Андреевъ говоритъ, „что каждый художественный замыселъ органически требуетъ своей спеціальной формы,

свой стиль и ритмъ и свою напѣвность". Я бы не могъ написать „Савву" въ видѣ разсказа. „Жизнь Человѣка" должна была вылиться въ форму представленія, и именно такую, какую я взялъ. Если бы изъ нея сдѣлать разсказъ, то этотъ разсказъ такъ-таки и пришлось бы опять же начать тѣмъ, что „выходитъ Нѣкто въ сѣромъ и говоритъ то-то и то-то". Отсюда и колебанія самого Андреева въ выборѣ формы произведенія, стиля, ритма и т. д. Но писатель вѣритъ „въ вѣчную славу и силу того реально-психологическаго разсказа, какой дали Толстой и Чеховъ".

Объ Андреевѣ говорятъ, что онъ „много выдумываетъ и сочиняетъ". Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы уже говорили о томъ, какъ относится писатель къ своему „умничанью" и какими средствами онъ борется съ этимъ свойствомъ своего дарованія. Въ отвѣтъ на упреки въ „сочинительствѣ" писатель говоритъ о своихъ литературныхъ замыслахъ слѣдующее:

„Дьяконъ въ „Жили-были" подсказанъ мнѣ живой фигурой, какую я наблюдалъ въ бытность въ одной клиникѣ. Но это же совсѣмъ не тотъ дьяконъ, какимъ былъ тотъ. То же писали, что въ „Призракахъ" я изобразилъ одного извѣстнаго московскаго психіатра въ лицѣ своего доктора Шевырева, который дни проводитъ въ работѣ, а ночи - въ подгородномъ ресторанѣ. Весь подсказъ дѣйствительности здѣсь сводится только къ тому, что однажды, въ мой единственный заѣздъ къ „Яру", мнѣ показали тамъ одного доктора съ такимъ поясненіемъ.

Ко всѣму остальному этотъ докторъ уже не былъ причастенъ. Если для большинства психологическихъ положеній я пользовалъ только свой душевный опытъ, то иногда для внѣшняго облика, такъ сказать, я пользовался натурщиками, но всегда синтезируя черты. Такъ, въ тѣхъ же „Призракахъ", въ Егорѣ Тимофеичѣ, летающемъ съ Николаемъ чудотворцемъ, я слилъ нѣкоторыя черты двухъ друзей писателей, и когда я читалъ разсказъ вслухъ, я почти не могъ не выдерживать мѣстный говоръ одного изъ нихъ. Много моихъ личныхъ мучительныхъ переживаній, моей ненависти къ городу—въ „Проклятіи звѣря". Многое, что тамъ показалось вамъ вычурами, мое, не сочиненное настроеніе. Вы удивились собакѣ, запряженной въ повозочку, передъ которой герой снимаетъ шапку. Это—одно изъ моихъ собственныхъ мучительныхъ впечатлѣній. Однажды вечеромъ въ лѣсу, въ предмѣстьѣ Берлина, я наткнулся на такую сцену. Вы знаете, что за границей, въ частности въ Германіи, очень значительно пользуютъ собакъ для работы: для перевозки овощей, молока и т. п. И человѣкъ, и собака были измучены адскимъ трудомъ и тяжело дышали,—не только человѣкъ, но и собака, которую такъ привычно видѣть играющею, весело прыгающею. И герой „Проклятія звѣря" поклонился имъ обоимъ, человѣку и собакѣ, какъ все тѣмъ же жертвамъ города, обрекшаго на рабій трудъ и сдѣлавшаго мрачнымъ то, что должно быть свободно и весело. Не правда ли, это уже не такъ смѣшно, и не въ большей ли

степени сумасшедшіе тѣ, кто запрягали собаку, какъ запрягли и человѣка?“ (А. Измайловъ, „Рус. Сл.“).

Многіе, быть можетъ, усумнятся въ разсказѣ Андреева о самомъ себѣ и спросятъ: какъ же это такъ, на ряду съ реальными наблюденіями —и *догадки* могутъ быть источникомъ творчества. И это недоумѣніе разсѣиваетъ Андреевъ:

„Я имѣлъ возможность располагать даже подлинными записками одной политической, ожидавшей казни,—вспоминаетъ Андреевъ о томъ времени, когда писался „Разсказъ о семи повѣшенныхъ“.—Но, по правдѣ, онѣ сыграли для меня только роль провѣрочнаго матеріала. Онѣ попали ко мнѣ въ руки, когда я уже кончилъ разсказъ, и изъ нихъ я увидѣлъ, что много сдѣланныхъ мною a priori догадокъ совершенно совпали съ подлинными настроеніями живого человѣка, ждавшаго смерти... Писали, что психологія моего Керженцева въ „Мысли“ заимствована мною изъ много нашумѣвшаго кіевскаго дѣла студента Мищенко, тоже симулировавшаго сумасшествіе, чтобы совершить убійство. Я узналъ о Мищенко много спустя послѣ написанія „Мысли“. Въ „Василіи Ѳивейскомъ“, среди другихъ трагическихъ подробностей его жизни, сверхъ вдовства, у меня есть еше пожаръ. Послѣ написанія разсказа одинъ знакомый разсказалъ мнѣ вполнѣ аналогичный случай. Психически больной священникъ хотѣлъ воскресить умершаго силою вѣры, и оказалось, что въ его жизни, вслѣдъ за вдовствомъ, была такая вовсе случайная частность, какъ пожаръ. Вотъ въ

этомъ то смыслѣ, въ смыслѣ введенія въ повѣствованіе подсказовъ своей беллетристической логики, я долженъ бы вѣрнѣе называться старымъ терминомъ „сочинитель“.

Андреевъ не считаетъ себя теоретикомъ искусства. Ему не представляется, какъ можно построить какую-либо теорію искусства, а потомъ творить, подчинивъ этой теоріи процессъ творчества. Художественные образы, по его мнѣнію, внѣ какой-либо эстетической программы. „Не отъ теоріи къ образамъ, а отъ образовъ къ теоріи можетъ только исходить художникъ. Каждому сюжету соотвѣтствуетъ свойственная ему форма“.

— Обобщать можно только путемъ стилизаціи,—говоритъ Андреевъ,—отбрасывая детали, оставляя только общее, синтетическое.

Послѣ появленія въ печати „Бездны“ Андреева, какъ извѣстно, объявили порнографомъ. Новый разсказъ „Въ туманѣ“ еще больше усугубилъ это обвиненіе. Сравнивая минувшее андреевское увлеченіе яко бы въ сторону порнографіи и „смакованія грязи,“ съ нашимъ недавнимъ беллетристическимъ увлеченіемъ вопросами пола, А. А. Измайловъ писалъ: „Налетѣли другіе времена, времена Кузьминыхъ и Зиновьевыхъ-Аннибалъ, «Хороводовъ» и «Клодинъ.“ Мы увидѣли пышныя орхидеи и хризантемы эротоманства. И только что на-дняхъ одинъ изъ общественныхъ Катоновъ написалъ: Если вы увидите на столѣ молодого человѣка арцыбашевскаго «Санина»,—унесите его и на мѣсто его положите андреевское «Въ туманѣ». (Измайловъ, «Рус. Сл.»).

А вотъ что говоритъ по вопросу о полѣ самъ Андреевъ.

«На Капри, гдѣ мы жили съ Горькимъ, бывало, въ послѣдніе два года, съ нетерпѣніемъ ждешь литературныхъ новинокъ изъ Россіи. Получали, читали эти новыя эротическія произведенія, и становилось какъ-то глубоко досадно, неловко, порою стыдно. Ходимъ и какъ-то неловко молчимъ, словно другъ на друга дуемся за эти произведенія... Вопросъ пола-одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ жизни,—быть можетъ, важнѣйшій,—трактуется чисто порнографически. И главное, что топчутся-то все на одномъ мѣстѣ, ничего не сказавъ интереснаго и важнаго, ни къ чему не подошедши близко, ни на іоту ничего не разъяснивъ. Я понимаю, прежде писатели были слишкомъ, можетъ быть, односторонни: Тургеневъ, напримѣръ, никогда не описывалъ ничего, кромѣ лица женщины. Старательно выпишетъ лицо, а фигуры точно нѣтъ. Ну, а Арцыбашевъ дѣлаетъ наоборотъ. Начнетъ съ бедеръ, опишетъ все подробно и остановится на шеѣ. Всѣ его герои въ «Санинѣ» безъ головы. Или «Четыре» Каменскаго. Что это? Я не говорю уже о Кузьминѣ и другихъ. Развѣ это любовь? Въ той области, которая занимаетъ нашихъ молодыхъ писателей, все ясно, слишкомъ ясно. Художнику тутъ нечего дѣлать. «Заинтересованныя стороны» сойдутся отлично сами... Но я убѣжденъ, что это теченіе скоро отхлынетъ въ сторону». (Эсъ Пэ. «Рус. Сл.», 1907 г.).

Пророчество Андреева сбылось: порнографи-

ческая беллетристика, дѣйствительно, спала. Вопросы пола и любви Андреевъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ еще на очереди. Молодые писатели будущаго, по его мнѣнію, подойдутъ къ этимъ вопросамъ по-новому и скажутъ свое новое слово. Андреевъ вѣритъ въ могущество родной литературы.

— Объ упадкѣ литературы,—говоритъ онъ,—можно бы было говорить только въ томъ случаѣ, если бы исчезла та живая сила, та особая страстность въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ, которые всегда были присущи русской литературѣ!

Часто Андреева упрекаютъ въ отсутствіи чувства художественной мѣры. На это писатель отвѣчаетъ:

— Я боюсь ставить точку надъ «і», и эта боязнь доводитъ меня до того, что я часто совсѣмъ убираю все «і», и ни точки, ни «і» не остается. Часто бываетъ такъ: напишешь и потомъ, спустя время, самъ дѣлаешься недовольнымъ тѣмъ, что такъ недавно пріятно волновало, и вмѣстѣ съ водой выплескиваешь и ребенка. Часто слушаешь женщину и не понимаешь, а она сердится, потому что ей кажется, что она говоритъ ясно. Вотъ и со мною то же бываетъ: кажется мнѣ, что я все написалъ, что надо, а читатель не понимаетъ. И я понимаю моего читателя, который меня не понимаетъ. У меня, вѣдь, особенный читатель: не любитъ онъ меня, а читаетъ.

Заглянувъ въ тайники творчества Леонида Андреева, вернемся къ темѣ, затронутой нами

въ началѣ настоящей главы, а именно о взаимоотношеніи между Андреевымъ живописцемъ (хотя онъ и самъ считаетъ себя только дилетантомъ) и Андревымъ беллетристомъ.

Изъ всѣхъ художниковъ особенной любовью Андреева пользуется испанскій художникъ Франсискъ Гойя (родился 30 марта 1746 г., умеръ 16 апрѣля 1828 г.). О непосредственномъ вліяніи Гойя на Андреева на зарѣ литературной дѣятельности говорить не приходится: Андреевъ уже достаточно опредѣлился раньше, чѣмъ полюбилъ Гойя.

— Кто-то изъ знакомыхъ,—разсказываетъ Андреевъ,—остановилъ мое вниманіе на томъ, что будто бы легко установить духовное сродство между мною и Гойя. Будто бы есть сходство въ выборѣ сюжетовъ и въ трактовкѣ ихъ, есть сходство и въ художественныхъ переживаніяхъ. Это меня заинтересовало, и во время путешествія за границей я присмотрѣлся къ работамъ Гойя и полюбилъ этого изумительнаго художника. Это было въ то время, когда я писалъ „Красный смѣхъ“. У Гойя, вѣдь, тоже есть картина „Ужасы войны“. Одну изъ картинъ въ репродукціи я хотѣлъ даже воспроизвести на обложкѣ книги, гдѣ былъ напечатанъ этотъ разсказъ, но что вы подѣлаете съ нашими издателями?..

На духовное родство Андреева съ Гойя указывали многіе критики: Невѣдомскій, Измайловъ, Чуковскій, Семеновъ. „Вспоминается кошмарный Гойя и просится подъ его карандашъ сцена, гдѣ пьяныя, отвратительныя, полураздѣ-

тыя проститутки пляшутъ на пустомъ мѣстѣ, куда яко бы брошена имъ подъ ноги жизнь случайныхъ гостей,—писалъ г. Измайловъ, разбирая разсказъ „Тьму“.

Ф. Гойя любилъ изображать людей въ скопищѣ, и передъ зрителемъ выступала дикая, подчасъ непристойная толпа людей въ свалкѣ, съ жестами безумія,—толпа воюющая, толпа казнящая, толпа, насилующая женщинъ, а г. Чуковскій объ Андреевѣ писалъ: „Рожденный толпою, онъ льнетъ къ толпѣ, и не даромъ въ его послѣднихъ вещахъ мечутся, бурлятъ, танцуютъ, погибаютъ „сборища“, скопища, толпы людей, „груды разъяренныхъ тѣлъ“: глупая толпа въ „Любви къ ближнему“, пошлая толпа въ „Жизни Человѣка“, изступленная толпа въ „Анатэмѣ“... („О Л. Андреевѣ“, стр. 14).

Сцену суда въ „Царѣ Голодѣ“ М. Невѣдомскій сравниваетъ „съ трагической карикатурой въ драматической формѣ“ въ стилѣ Ф. Гойя: „Все шаржировано, все даетъ какъ бы экстрактъ жизни, какъ бы сгущенную ея сущность. И художникъ могучимъ размахомъ бросаетъ проклятіе свое въ лицо современности и приводитъ въ содроганіе сердца.“

Можно бы было подобрать еще не мало сценъ или эпизодовъ изъ произведеній Андреева, и всѣ они еще больше говорятъ за духовное сродство между двумя художниками. Замѣчательно, что мнѣніе литературныхъ критиковъ объ Андреевѣ, въ этомъ отношеніи, сходно съ мнѣніемъ Ал. Бенуа о работахъ Гойя. Характеризуя послѣдняго, какъ художника „мятеж-

наго духа", г. Бенуа пишетъ, что бунтъ Гойя, это—„крикъ изъ глубины человѣческой души" и, въ то же время, „рядъ недоумѣвающихъ (недоумѣнныхъ?) вопросовъ и изумительной яркости откровенія". „Это мятежъ, бунтъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ, не во имя какой либо программы и безъ причастности къ какому-либо ученію: это бунтъ, какъ отрицаніе *всего* инертнаго, коснаго, установившагося или разлагающаго". (А. Бенуа. „Гойя", стр. 13).

Вступивъ на тотъ путь при оцѣнкѣ Андреева, на который намъ указалъ самъ писатель, мы подошли къ сравненію Андреева съ Гойя. Страстный, волнующій стиль произведеній Андреева можно сравнить со смѣлыми, вдохновенными штрихами рисунковъ Гойя. Мятущійся подъ давленіемъ Рока человѣкъ Андреева такъ похожъ на человѣка въ изображеніи Гойя, который въ свальной толпѣ давалъ зрителю синтезъ человѣка-животнаго. Тотъ же г. Бенуа о Гойя пишетъ: „Гойя—сынъ своего времени, но его причастность къ эпохѣ заключалась не въ *знаніи* тѣхъ или иныхъ системъ и не въ убѣжденіяхъ, отсюда вытекающихъ, а въ чисто стихійныхъ переживаніяхъ, въ особомъ, художникамъ свойственномъ дарѣ *угаданія*". (Ibid, стр. 12. Курсивъ вездѣ г. Бенуа).

А развѣ Андреевъ не сынъ своего времени, а развѣ въ немъ не развита способность *угадыванія* того, что совершается въ дебряхъ русской жизни и въ безднахъ души? За что же упрекаютъ Андреева въ реакціонности, въ мѣщанствѣ, въ богохуленіи, въ томъ, что онъ

будто бы указалъ только на каррикатурныя фигуры революціи, тогда какъ Андреевъ ни на минуту не забывалъ, что рядомъ съ этими карикатурами шли на смерть славные и сильные? Не виноватъ онъ и въ томъ, что угадалъ въ разрухѣ русской жизни то, что, можетъ быть, еще скрыто для другихъ. Нельзя упрекать его и въ томъ, что онъ у себя на родинѣ воспроизвелъ нѣкоторыя стороны русской жизни въ преувеличенныхъ обобщеніяхъ, какъ это дѣлалъ и Гойя въ милой ему Испаніи. Преувеличеніе еще не порокъ, если оно имѣетъ за собою цѣль показать въ увеличенномъ видѣ то, мимо чего проходятъ безъ возмущенія умственно и морально близорукіе. И Гоголь, и Щедринъ преувеличивали въ своихъ созданіяхъ каррикатуру на человѣка, ибо и въ ихъ время были близорукіе, и мы не осуждамъ ихъ за это, а благословляемъ. Гоголь смѣялся сквозь незримыя міру слезы, Щедринъ преломлялъ свое сатирическое негодованіе сквозь призму нашихъ идеаловъ, трагическая сатира Андреева,—если вы захотите признать это опредѣленіе,—орошена и пропитана слезами и кровью современнаго намъ человѣка. Андреевъ не разрѣшаетъ ужасовъ жизни, но онъ ихъ и не пріемлетъ: и въ этомъ его личная трагедія и въ этомъ его неудавшійся романъ съ русскимъ обществомъ. Андреевъ не берется заровнять черной бездны жизни, но онъ много лѣтъ не сходитъ съ нависшаго надъ нею уступа и своей трагической, одинокой фигурой олицетворяетъ собою жизнь забитаго, приниженнаго,

опустошеннаго русскаго человѣка на краю бездны общественныхъ отношеній.

Андреевъ не изъ тѣхъ поэтовъ, которые поютъ лицемѣрныя молитвословія смерти и лижутъ рабскими языками кости безносаго скелета,—какъ прекрасно выразился объ Андреевѣ критикъ В. Сперанскій.

„Одна идеалистическая мечта обвѣваетъ у Л. Андреева безрадостный міръ братоубійственной злобы,—писалъ далѣе г. Сперанскій,—одинъ теплый гольфштремъ обволакиваетъ безконечный материкъ житейской пошлости и рутины. Этотъ идеалъ не вытекаетъ у него изъ дѣйствительности, а неудержимо переростаетъ ее. Этотъ идеалъ—та властная сила разумнаго сознанія, которая рощетъ и протестуетъ, которая бросаетъ яркіе снопы свѣта черезъ гнилостный туманъ повседневности и требуетъ отъ будущаго того, чего нѣтъ въ настоящемъ“. („Нов. Журн. для Всѣхъ“, 1908 г., № 1).

Это свойство дарованія Андреева—озареніе пути въ будущее.

VIII.

Однажды Л. Н. Андреевъ признался:

— Я не могу ошибиться въ описаніи деталей: изображаемое лицо я вижу во всѣхъ мелочахъ. Можетъ быть, герой моего „Сына человѣческаго“ неясно представляется другимъ, но я-то вижу, какъ живого, этого деревенскаго попика, его бороду, глаза и т. д.“

Въ этихъ словахъ, если хотите, весь тра-

гизмъ писателя. А развѣ Шекспиръ, Байронъ, Пушкинъ, Золя, Толстой, Чеховъ, Купринъ и т. д. и т. д. и тотъ же Гойя, и иные живописцы,—не могли сказать того же о судьбѣ любого изъ своихъ персонажей? Каждый беллетристъ или художникъ представляетъ себѣ, что изображенный имъ персонажъ ясенъ для него и законченно зачерченъ. Однако, критики не соглашаются съ этимъ, спорятъ и пишутъ цѣлые томы. Часто не соглашается съ этимъ и читатель.

Андреевъ больше другихъ можетъ пожаловаться, на то, что выведенныя имъ человѣческія фигуры не поняты не только большинствомъ читателей, но даже и многими критиками. Относительно читателей мы можемъ высказаться только предположительно: Андреева читаютъ, хотя и не любятъ. Но если взять и прочесть подъ рядъ отзывы десятка-другого критиковъ, писавшихъ объ Андреевѣ, можно встрѣтить изумительное разногласіе не только въ толкованіи отдѣльныхъ персонажей, но часто даже и въ толкованіи фабулы или сокровенныхъ замысловъ писателя, не говоря уже о символахъ, въ толкованіи которыхъ каждый критикъ, конечно, на свой образецъ.

Всѣ критики столковались, повидимому, только на одномъ, что у Андреева нѣтъ или мало типовъ, у него только схематизированный человѣкъ, уклонъ къ разработкѣ сложныхъ человѣческихъ переживаній, ужасы жизни и тревожный и волнующій путь исканій сверхъ-человѣка.

Но и эта общая сводка мнѣній еще ничего не говоритъ и для полноты обрисовки писателя намъ придется обратиться къ нѣкоторымъ деталямъ критики. Начну съ мнѣнія критиковъ—враговъ. Самый ярый и больше другихъ недоказательный врагъ, Д. С. Мережковскій, писалъ:

„Художественное творчество Андреева мнѣ кажется сомнительнымъ не потому, что онъ изображаетъ уродство, ужасъ, хаосъ,—напротивъ, подобныя изображенія требуютъ высшаго художественнаго творчества,—а потому, что созерцая уродство, онъ соглашается на уродство, созерцая хаосъ, становится хаосомъ".

Вотъ вамъ первый образецъ доказательности г. Мережковскаго. И если принять это толкованіе безспорнымъ, то, вѣдь, можно, сказать и о самомъ Мережковскомъ слѣдующее: Созерцая чорта, Мережковскій становится чортомъ, созерцая Бога —становится Богомъ, но едва ли кто-нибудь повѣритъ въ первое и во второе изъ этихъ непосильныхъ для г. Мережковскаго превращеній Дальше, впрочемъ, самъ же г. Мережковскій оговаривается, продолжая критическій анализъ писателя:

„Но тутъ не кончается, а только начинается вопросъ, въ чемъ же сила Андреева? Вѣдь, все-таки по дѣйствію на умы читателей, среди современныхъ русскихъ писателей нѣтъ ему равнаго. Всѣ они—свѣчи подъ спудомъ, онъ одинъ—свѣча на столѣ. Они никого не заразили: онъ заражаетъ всѣхъ. Хорошо или дурно, но это такъ, и нельзя съ этимъ не считаться критикѣ, если критика есть пониманіе не только

того, что пишется о жизни, но и того, что дѣлается въ жизни".

И далѣе:

„Андреевъ не художникъ, но все же почти геніальный писатель: у него геній русской интеллигенціи—геній общественности. Есть у Андреева и нѣчто большее, небывалое въ русской интеллигенціи: прикосновеніе общественности къ религіи". („Русская Мысль", 1908 г. I).

Но въ этой похвалѣ и хулѣ г. Мережковскаго какъ-то не отыщешь равнодѣйствующей.

Зинаида Гиппіусъ, тоже изъ вражескаго стана, говоритъ, что Андреевъ „безсознательный, запутавшійся, чуждый культурности русскій человѣкъ", но его „поскольку онъ все-таки человѣкъ и все-таки Андреевъ, ничего не понимающій и не рѣшающій,—можно лишь безконечно жалѣть".

И далѣе, разбирая „Жизнь Человѣка", критикъ продолжаетъ:

„Нехудожественное произведеніе иногда оберегается отъ слишкомъ рѣжущей фальши—умомъ автора. Но у Андреева этого сторожа нѣтъ, да и увлекшись собственной риторикой, онъ уже ничего не замѣчаетъ, риторика ему кажется возвышенностью, смѣшное—сильнымъ, банальности—новыми открытіями". („Вѣсы", 1907, 5).

Подъ рядъ съ этими отзывами шумливыхъ критиковъ—Мережковскаго и Антона Крайняго, мы должны бы поставить не менѣе шумливаго и на все съ одинаковымъ шумомъ отзывчиваго г. Философова, а за нимъ г. Аврелія изъ „Вѣ-

совъ“, потомъ г.г. Буренина и Розанова изъ „Нов. Врем.“, затѣмъ Басаргина изъ „Моск. Вѣдом.“, наконецъ, г. Тришатнаго изъ „Русскаго Знамени“. Всѣ эти дѣятели литературы изъ группы враговъ Андреева. Намъ казалось, что изученіе ихъ критики больше всего могло бы способствовать достиженію нашей цѣли, но эти надежды ни на одну іоту не оправдались. Намъ казалось, что враги писателя съ большей откровенностью, безсознательно вскроютъ суть своихъ переживаній, и, затронутые, почти обозленные музой Андреева, скажутъ о писателѣ нужную правду. Но этого не случилось: личное раздраженіе превысило объективныя ихъ силы, и вмѣсто правды о писателѣ, мы узнали правду объ этихъ критикахъ.

Разумѣется, Мережковскаго, Антона Крайняго, Философова и, пожалуй, г. Аврелія придется отдѣлить отъ остальной группы критиковъ. Критика ихъ -не вздорный крикъ изъ лагеря реакціонеровъ, подобно критикѣ г.г. Розанова, Буренина, Тришатнаго и т. д. Былъ моментъ, когда они возмнили себя даже революціонерами и упрекали Андреева въ мѣщанствѣ и реакціонности. А г. Философовъ въ опредѣленіи Л. Андреева началъ было брататься съ г. Луначарскимъ, но это братанье ни къ чему не привело, и г. Философовъ съ г.г. Мережковскими и Крайними оказались не у дѣлъ и въ смыслѣ революціонности, какими были въ періодѣ сотрудничества въ „Новыхъ Путяхъ“ и „Вѣсахъ“.

Всѣмъ этимъ критикамъ мы отвѣтимъ словами г. Невѣдомскаго: „наиболѣе дорогія автору

(т. е. Андрееву), наиболѣе завѣтныя его думы и темы оставляются безъ вниманія, а во имя тѣхъ конкретныхъ образовъ и картинъ, въ которыхъ онъ старается символизировать эти свои думы, онъ объявляется мѣщаниномъ", „идеологомъ буржуазіи" и т. д. и т. д. („Совр. Міръ" 1909 г. № 4).

Вылупившись изъ яйца буржуазной идеологіи, г.г. Мережковскіе, Крайніе и т. п. хотѣли сказать правду объ Андреевѣ, а сказали правду о себѣ. Таковъ удѣлъ всѣхъ, кто подойдетъ къ художнику съ ореоломъ субъективнаго раздраженія. Раздраженіе г.г. Буреніныхъ, Тришатныхъ и т. п. пошло еще дальше, но мы уже не будемъ останавливаться на ихъ критикѣ: въ одной изъ книгъ г. Чуковскаго приведенъ цѣлый словарь бранныхъ словъ по адресу Андреева, а въ книгѣ „Андреевъ большой и Андреевъ маленькій" тотъ же авторъ приводитъ выдержки изъ статей критиковъ—враговъ Андреева.

Мнѣ невольно пришлось уклониться въ сторону отъ намѣченной цѣли, но такова уже власть цитаты. Предполагалось найти въ отзывахъ извѣстныхъ критиковъ ключъ къ пониманію писателя, и вмѣсто этого находимъ или непониманіе, или раздраженіе не въ мѣру, или брань, ничего не уясняющая и никого не убѣждающая.

Посмотримъ, что писали о Леонидѣ Андреевѣ критики, благосклонно по отношенію его настроенные. Намъ придется остановить вниманіе на работахъ Минскаго, Невѣдомскаго, Арабажина,

Рейснера, отчасти Измайлова и Сперанскаго. Послѣдній еще мало извѣстенъ въ широкихъ кругахъ литературы, но его работа о Л. Андреевѣ,—одна изъ интересныхъ, несмотря на свою сжатость.

Десятилѣтнюю литературную дѣятельность Андреева г. Невѣдомскій раздѣляетъ на три періода: первый періодъ до разсказа „Нѣтъ прощенія“ (напис. въ 1904 г.), второй—отъ „Жизни Василія Ѳивейскаго“ (напис. въ ноябрѣ 1903 г.) до „Царя Голода“ (напис. въ 1907 г.) и третій, послѣдній—начиная съ „Тьмы“ (напис. въ томъ же году) и до настоящаго времени. Г. Невѣдомскій оговаривается, не принимая въ разсчетъ „самаго молодого періода дѣятельности писателя, когда онъ еще не установился и лишь искалъ себя“. Этотъ, такъ сказать, ученическій періодъ г. Невѣдомскій считаетъ до написанія разсказа „Жили-были“; такимъ образомъ имъ исключены всѣ разсказы, напечатанные въ III т. изданія „Знанія“ и очерки и фельетоны, появившіеся на книжномъ рынкѣ послѣ напечатанія статьи г. Невѣдомскимъ и изданные „Просвѣщеніемъ“ въ 1911 г. *) Объ этомъ исключеніи можно только пожалѣть, потому что и въ періодъ исканій себя Андреевъ уже намѣчалъ вѣхи на пути своего творчества. Интересенъ въ этомъ отношеніи и первый томъ

---

*) Къ сожалѣнію, появленіе тома раннихъ произведеній Л. Андреева (Джемсъ Линча) повергло нѣкоторыхъ критиковъ въ недоумѣніе: „для чего Андреевъ выпустилъ эту книгу?“ спрашивали нѣкоторые изъ нихъ. Для уясненія личности писателя, отвѣтимъ мы.

его работъ въ изданіи „Просвѣщенія“. Въ 1909 г. М. П. Невѣдомскій, конечно, не могъ его изучить, ибо тогда его еще не было, но позволительно надѣяться, что г. Невѣдомскій сдѣлалъ это теперь, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые публицистическіе фельетоны Андреева подтверждаютъ выводы автора статьи „Объ искусствѣ нашихъ дней“. („Совр. Міръ“, 1909 г., январь).

Первый періодъ г. Невѣдомскій характеризуетъ, какъ періодъ подлиннаго пессимизма. „Да“ въ этомъ періодѣ отсутствуетъ, но ставится рядъ философскихъ „вопросительныхъ знаковъ: „воспріятіе жизни по истинѣ мрачное, часто кошмарно-тягостное („Стѣна“, „Бездна“, „Ложь“ и друг.). Но и въ этомъ періодѣ есть все же, если не прямое утвержденіе, то намекъ на возможность его, намекъ на родникъ, изъ котораго оно вытечетъ, а именно—огромный, непрестанный интересъ къ *мысли* человѣческой, какъ первому и высшему аттрибуту человѣческой личности, а на ряду съ этимъ мерцаніемъ положительнаго, отрицательные признаки,—признаки несомнѣнной тоски по *солидарности* человѣческой--въ видѣ длинной серіи картинъ нашей разрозненности. Съ „Василія Ѳивейскаго“ начинаетъ теплиться свѣтъ несомнѣннаго идеализма, несомнѣнной любви къ человѣку, любви типично антропоцентрической: и при свѣтѣ этой любви—полное мрачной ненависти отрицаніе всѣхъ реальныхъ и мнимыхъ поработителей человѣческаго *я*“.

Далѣе г. Невѣдомскій говоритъ, что любовное отношеніе Андреева къ человѣку еще бо-

лѣе ощутительно въ разсказѣ „Призраки“.— „Послѣдняя вещь, какъ и «Василій Ѳивейскій», являя симптомы *новаго* міропониманія, сливается, однако, съ первымъ періодомъ въ томъ смыслѣ, что опять ставитъ философскій вопросительный знакъ: мысль Андреева, по-прежнему работая въ плоскости идей Ницше, задается вопросомъ о двухъ главныхъ категоріяхъ міросозерцанія— оптимизмѣ и пессимизмѣ, и ищетъ подоплеку ихъ въ „реальномъ разумѣ“, предрасположеніи инстинктовъ“.

„Послѣ «Василія Ѳивейскаго» начинается періодъ *откликовъ* Андреева на современность, т. е. съ конца 1904 г., когда въ ноябрѣ былъ законченъ разсказъ „Красный смѣхъ“, до появленія „Моихъ записокъ“ въ сентябрѣ 1908 г. „Эти отклики перемежаются опять чисто философскими темами—въ „Элеазарѣ“, „Іудѣ“, „Проклятіи звѣря“, пожалуй, въ „Тьмѣ“ и въ „Черныхъ маскахъ“. Послѣдній, періодъ Андреева, который начинается съ „Тьмы“, характеризуется какъ бы возвратомъ первоначальнаго пессимизма,—просвѣтлившійся нѣсколько мракъ опять, повидимому, надвигается—и, боюсь, даже не усиливается ли, по сравненію съ начальнымъ“.

Если мы признаемъ анализъ г. Невѣдомскаго отвѣчающимъ дѣйствительности въ настроеніяхъ Андреева,—а не признать этого нельзя,— то намъ остается только опредѣлить, какъ же ощущаетъ или чувствуетъ въ самомъ себѣ этотъ пессимизмъ самъ Андреевъ?

Въ 1903 или слѣдующемъ году, т. е. какъ разъ въ тотъ періодъ, который исключенъ г.

Невѣдомскимъ изъ его анализа, Андреевъ послѣ постановки „Трехъ сестеръ“ писалъ въ „Курьерѣ“:

„... цѣлую недѣлю не выходили у меня изъ головы образы трехъ сестеръ, и цѣлую недѣлю подступали къ горлу слезы, и цѣлую недѣлю я твердилъ: какъ хорошо жить, какъ хорошо жить! Результатъ чрезвычайно неожиданный какъ для добрыхъ людей, предупреждавшихъ меня о необходимости убрать соблазнительные крюки (добрые знакомые предупреждали автора статьи, чтобы онъ убралъ изъ своей комнаты крюки во избѣжаніе соблазна покончить самоубійствомъ послѣ представленія пьесы Чехова, В. Бр.) такъ и для меня самого. „Три сестры“, слезы, уныніе—и вдругъ: жить хочется“.

Изумленію своему Андреевъ тотчасъ же находитъ разъясненіе: „Повидимому, съ пьесой А. П. Чехова произошло крупное недоразумѣніе, и, боюсь сказать, виноваты въ немъ критики, признавшіе „Трехъ сестеръ“ глубоко пессимистическою вещью, отрицающею всякую радость, всякую возможность жить и быть счастливымъ. Въ основѣ этого взгляда лежитъ то господствующее убѣжденіе, что, если человѣкъ плачетъ, боленъ или убиваетъ себя, то жить ему, значитъ, не хочется и жизни онъ не любитъ, а если человѣкъ смѣется, здоровъ и толстъ, то жить ему хочется и жизнь онъ любитъ. Крайне ошибочное явилось для меня неожиданнымъ и сугубо пріятнымъ“. (Т. I, изд. „Просвѣщенія“, стр. 255).

А въ статьѣ послѣ постановки „Дикой Утки“

находимъ такія строки: „Никогда не вѣрю я такъ въ жизнь, какъ при чтеніи отца пессимизмШопенгауэра: человѣкъ думалъ такъ и жилъ Значитъ, могуча и непобѣдима жизнь". (Ibid стр. 285).

Не похожа ли и судьба Андреева на судьбу чеховской пьесы? Припомните, напримѣръ, что писалъ Философовъ послѣ постановки „Жизни Человѣка". Онъ находилъ эту пьесу самымъ реакціоннымъ произведеніемъ русской литературы, потому что она уничтожаетъ всякій смыслъ жизни и исторіи.

„Если жизнь дѣйствительно такова, какъ ее изображаетъ Андреевъ, то одинаково жалка, ничтожна, безцѣльна и при самодержавіи, и при конституціи, и при соціалистической республикѣ. Стоитъ ли бороться, стоитъ ли жертвовать своей жизнью, идти на каторгу, на висѣлицу,— когда жизнь человѣка—сплошное издѣвательство „Сѣраго нѣкто".

Вонъ, вѣдь, куда увелъ андреевскій пессимизмъ г. Философова,—въ соціалистическую республику! И только потому, намъ кажется, господинъ критикъ и попалъ въ несоотвѣтствующую ему обстановку, что отнесся къ пьесѣ Андреева, какъ къ произведенію внѣвремени и пространства. Пусть герой пьесы, „Человѣкъ", и символъ и схема, какъ говорятъ тѣ же критики наши, но, вѣдь, Андреевъ-то, писавшій этого человѣка,— не схема. Писатель только отразилъ въ своемъ „Человѣкѣ" насъ съ вами, г. Философовъ,— насъ, покорныхъ предъ лицомъ „нѣкоего въ гороховомъ", кто управляетъ нашей конститу-

ціей. О человѣкѣ же соціалистической республики мы можемъ только помечтать, какъ мечталъ андреевскій Человѣкъ о большомъ каминѣ большого дома въ фіордахъ.

Интересно формулируетъ опредѣленіе андреевскаго пессимизма и г. Арабажинъ. Онъ такъ же, какъ и г. Философовъ, говоритъ, что пессимизмъ Андреева „внѣ времени и пространства" и что онъ не „имѣетъ исключительно общечеловѣческаго характера". А дальше пути Арабажина и Философова расходятся.

„Напротивъ, даже черты всеобщія получаютъ у Андреева черты, присущія именно нашему времени,—говоритъ г. Арабажинъ.—Всѣ герои Андреева—именно герои нашего времени, люди опредѣленной среды, создавшейся и возможной только въ современныхъ условіяхъ жизни европейскаго общества вообще и русскаго въ особенности. Все то, что происходитъ съ ними, всѣ ихъ страданія, всѣ житейскія метаморфозы —продуктъ особенностей нашего вѣка"... („Итоги творчества", стр. 84-я).

Удивительно, какъ не замѣтили этого г.г. Мережковскіе, Философовы и друг. ихъ единомышленники.

Въ дни журнальной полемики по поводу „Тьмы" Н. М. Минскій прекрасно опредѣлилъ позицію, занятую г. Мережковскимъ, какъ въ критикѣ упомянутаго разсказа, такъ и въ опредѣленіяхъ самого Андреева.

„Тотъ, кто не читалъ подлиннаго Андреева и узналъ бы о немъ по критикѣ Мережковскаго, рѣшилъ бы, конечно, что герой „Тьмы" разо-

чаровался въ свободѣ (прошелъ „сковзь всѣ проклятія, безумства и муки свободы"), извѣрился въ революціи („долой революцію"!), пожелалъ „вольнаго рабства" („да здравствуетъ реакція"!), отвернулся душой отъ презрѣнной жизни и ненавистныхъ людей и обратился къ самодовольству забвенія, „къ послѣднему отдыху въ сладчайшей тьмѣ небытія". Но мы, читавшіе подлиннаго Андреева, можемъ заключить лишь объ одномъ: какъ, однако, непроницаемо толсты должны быть бѣльма слѣпой вѣры, если ослѣпленный ими, такой когда-то зоркій критикъ, какъ Мережковскій, если авторъ статьи о Пушкинѣ могъ пройти мимо Андреева, не не увидавъ его лица". („Наша Газета", 1908 года. № 1).

Далѣе г. Минскій уже отъ своего имени даетъ весьма цѣнное опредѣленіе Андреева, и какъ разъ то, что собственно и есть Андреевъ подлинный, а не Андреевъ, переведенный на языкъ Мережковскаго въ его критической канцеляріи.

„Андреева нельзя понимать внѣ русской литературы и даже внѣ русской исторіи,—говоритъ г. Минскій.—Отчаяніе Андреева могло вырасти только въ такой духовной атмосферѣ, гдѣ любовь къ людямъ проповѣдывалась въ общественной пустотѣ и сама была надрывомъ, результатомъ и протестомъ слишкомъ жестокой исторіи. Любовь къ ближнему, безъ промежуточной любви къ своей личности и къ предметному міру,—такая любовь, которою поневолѣ питалась русская народолюбивая интел-

лигенція, не могла не привести къ разладу и пессимизму". (Ibid).

Почти то же самое говоритъ и г. Горнфельдъ, не особенно благосклонно относящійся къ литературнымъ исканіямъ Андреева.

По мнѣнію г. Горнфельда, Андреевъ въ разсказѣ „Тьма" какъ бы задался написать антитезу къ знаменитой сценѣ между Раскольниковымъ и Соней Мармеладовой. „Но по захвату настроенія, по высотѣ нравственнаго подъема, его разсказъ не боится напоминанія о великомъ образѣ.— „Какое ты имѣешь право быть хорошимъ, когда я плохая?" Только на русскомъ языкѣ могъ быть занъ этотъ вопросъ: безконечно рускимъ несетъ отъ него, и нужна была вся исторія русской интеллигенціи, культурной и народной, чтобы уткнуться въ эту стѣну, чтобы привести всѣхъ искателей нравственной правды въ этотъ тупикъ". („Товар.", 1907 г. 1 декабря).

Приведенныя нами цитаты, намъ кажется, въ достаточной мѣрѣ доказательно выяснили тотъ литературный путь, по которому идетъ Андреевъ отъ вѣры въ непобѣдимую жизнь въ юности, до сознательнаго отраженія русской дѣйствительности во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, не только въ произведеніяхъ характера „откликовъ", но и въ своихъ произведеніяхъ философскихъ исканій.

Г. Горнфельдъ говоритъ о томъ тупикѣ, куда оказалась загнанной русская интеллигенція, ищущая правды. И эту печальную правду о россійскомъ интеллигентѣ зналъ Андреевъ еще за

много лѣтъ до появленія разсказа „Тьма“. Еще въ „Курьерѣ“ въ одномъ изъ фельетоновъ онъ писалъ:

„Въ трагическомъ и горько-недоумѣнномъ положеніи находится россійскій „интеллигентъ“—явленіе по истинѣ достойное жалости и смѣха и, во всякомъ случаѣ, серьезнаго изученія, какъ нѣчто безмѣрно своеобразное и въ исторіи небывалое. Оторванный отъ народной трудящейся массы, вознесенный куда-то въ безпредѣльную высь, объвшійся до разстройства желудка хлѣбомъ духовнымъ, опившійся уксусомъ и желчью своего безцѣльнаго и безпутнаго существованія, количественно ничтожный но мнящій себя единственнымъ, тощій, какъ фараонова корова, и ненасытный, какъ она,—сидитъ онъ въ какой-то чудной банѣ и во всю мочь парится вѣниками вѣчнаго и дикаго покаянія“. (Т. I, изд. „Просв.“, ст. 47).

И Андреевъ зналъ, откуда пришло это „вѣчное и дикое покаяніе“.

Въ томъ же фельетонѣ Андреевъ въ шуточномъ тонѣ разсказываетъ исторію россійскаго интеллигента съ того момента, когда онъ былъ еще „малосмысленнымъ мальчуганомъ“, до момента полнаго торжества надъ нимъ „исконнаго начала magister dixit:“... на всякій случай жизни существуетъ вполнѣ опредѣленное правило. Въ школѣ это правило печатное—въ книжкѣ прямо сказано: воспрещается употреблять спиртные напитки и табакъ, посѣщать рестораны, театры и проч.; дома это правило словесное, а иногда и писаное; въ книжкѣ,

выбранной для чтенія благоразумнымъ родителемъ, опять печатное. Цѣлый дремучій лѣсъ правилъ, въ которыхъ безысходно бьется интеллигентная заблудшая душа. Чортъ ихъ знаетъ, откуда эти правила взялись, кто ихъ выдумалъ, создалъ, укрѣпилъ и ввелъ въ жизнь,—но будто частоколомъ окружаютъ они, — податься некуда..."

Андреевъ—законный сынъ россійской интеллигенціи, и что же удивительнаго, если онъ за частоколомъ правилъ склонился къ пессимизму и даже впалъ въ отчаяніе, когда писалъ нѣкоторые свои мрачные разсказы и пьесы. Не изъ-за того ли частокола раздался и кличъ писателя къ освобожденію человѣка отъ всѣхъ правилъ, не изъ-за частокола ли мы услышали и призывъ въ сторону будущаго сверхъ-человѣка?

Н. М. Минскій говоритъ, что если Андреевъ не чуждъ отчаянія, то это отчаяніе могло вырасти только въ такой духовной атмосферѣ, гдѣ любовь къ людямъ проповѣдывалась въ общественной пустотѣ. Но развѣ только что пересказанная со словъ Андреева исторія россійскаго интеллигента не являетъ собою общественной пустоты, за „частоколомъ" безчисленныхъ правилъ? Пусть эти правила выработаютъ изъ интеллигента честнаго сына родины, съ точки зрѣнія авторовъ правилъ, но этотъ результатъ, повидимому, не можетъ удовлетворить Андреева, если онъ говорилъ человѣку: „Не будь честенъ. Будь живъ!" (Т. I, стр. 57 изд. „Просв.").

Будь живъ, говорилъ Андреевъ человѣку назарѣ своей литературной дѣятельности, а нѣсколько лѣтъ назадъ, печалуясь за судьбу молодежи, будущей интеллигенціи, заканчиваетъ свою пьесу „Дни нашей жизни“ робкой и печальной строфой изъ студенческой пѣсни: „Умрешь, похоронятъ, какъ не жилъ на свѣтѣ“. Надежды Андреева какъ будто не оправдались: „будь живъ“ говорилъ онъ интеллигенціи, и вѣрилъ, что она будетъ жить, а на дѣлѣ: „умрешь, похоронятъ, какъ не жилъ на свѣтѣ“... Какъ будто ничего не осталось послѣ этихъ похоронъ, какъ ничего не осталось послѣ героя разсказа „Тьма“. Но если бы это жизнеощущеніе и было у Андреева, мы, все равно, не повѣрили бы въ него, не повѣрили бы и въ то, что послѣ интеллигенціи ничего не осталось. Осталась та вѣра, которой мы живемъ теперь, и эту вѣру не исключаетъ Андреевъ изъ своего духовнаго облика. Не будь честенъ, но будь разрушителемъ на манеръ Саввы, оголи землю, уничтожь картинныя галлереи, свали всѣхъ идоловъ и разбей, уничтожь иконы, самого Бога, но только будь живъ, живъ, живъ человѣкъ!.. Такъ говоритъ Андреевъ человѣку, а про него говорятъ, что онъ не вѣритъ ни въ интеллигенцію, ни въ народъ, ни въ литературу, ни въ плоды работы интеллигенціи и народа—въ нашу революцію...

Но интеллигенція—только небольшая группа, и невѣріе въ эту группу еще не даетъ права на невѣріе въ народъ en masse, въ людей вообще. Какъ же Андреевъ относится къ массѣ народной съ именемъ обыватели?

„Быть первымъ, быть одному, это жуткое положеніе для обывателя, словно самъ онъ и всѣ ему подобные извѣку страдаютъ агорафобіей“, —говоритъ Андреевъ объ обывателяхъ.— Даже такія отрицательныя дѣйствія, какъ попытка бросить пить водку, обыватели предпочитаютъ совершать скопомъ, разсказываетъ онъ объ одномъ случаѣ въ Петербургѣ, когда послѣ какой-то трезвенной лекціи предложено было присутствовавшимъ отказаться на годъ отъ употребленія водки, и человѣкъ тридцать или сорокъ съ готовностью отказались. „Что же касается положительныхъ дѣйствій, то одиночный интеллигентъ къ нимъ рѣшительно не способенъ, даже въ томъ случаѣ, если дѣйствія заключаются въ скромнѣйшемъ проявленіи своей индивидуальности и охранѣ ея“. (Ibid, стр. 64).

Здѣсь уже ироническое смѣшеніе интеллигенціи съ обывательщиной. Надо сознаться, что часто граница между двумя этими категоріями утрачивается, но все же приговоръ Андреева чрезмѣрно суровый и, пожалуй, можетъ показаться кое-кому и несправедливымъ. Мы видѣли интеллигенцію въ борьбѣ и въ одиночку, да и самъ Андреевъ одинокъ на уступѣ скалы, надъ бездной жизни. Приговоръ этотъ необходимъ для уясненія сущности андреевскаго жизнеощущенія. Андреевъ какъ бы съ умысломъ чрезмѣрно перегибаетъ зыбкую трость, чтобы она, выпрямляясь, перегнулась въ противуположную сторону и сильно ударила въ то мѣсто, куда надо ударить. Въ видѣ зыбкой тростинки представляетъ онъ себѣ и нашу интеллигенцію,

и надо только радоваться экспериментамъ Андреева съ тростинкой: пусть онъ сильно перегнетъ ее въ одну сторону, и она сильнѣе ударитъ въ то мѣсто, куда надо ударить.

О людяхъ вообще Андреевъ говоритъ, что они великіе грѣшники передъ свободой, правомъ и справедливостью. Повинны въ этомъ интеллигенты скопомъ и въ одиночку, повинны и обыватели, страдающіе агорафобіей, и даже толпа людей не можетъ утѣшить нашего писателя, и не потому, что онъ не вѣритъ въ толпу и въ героя, а потому только, что и надъ толпой, и надъ героемъ виситъ роковая трагедія непониманія, разобщенности и несогласованность интересовъ, цѣлей и средствъ достиженія этихъ цѣлей. Сѣрая и ординарная толпа, по мнѣнію Андреева, составляетъ ядро жизни, а утонченно-культурные люди — лишь ея казовая сторона, не прочный и красивый ворсъ, за которымъ не видно грубой, но крѣпкой рогожки. „Сѣрая, упрямая толпа, ворочающаяся непреклонно и тяжело, какъ сама земля, въ то время, какъ тѣ, утонченно-культурные, скачутъ надъ ней, какъ блохи, и важно кричатъ: направо, налѣво“!

Здѣсь какъ будто уже отдается предпочтеніе толпѣ. И въ молодости Андреева былъ такой случай, когда онъ готовъ былъ слагать красивые гимны толпѣ и ненавидѣть обособленнаго отъ нея героя. Это было послѣ постановки на сценѣ московскаго художественнаго театра пьесы „Докторъ Штокманъ“.

„Въ четвертомъ актѣ,—писалъ Андреевъ,—

сила внушенія, волнами идущаго со сцены въ зрительный залъ, достигаетъ высшаго напряженія. Драма одного человѣка превращается въ драму всего человѣчества. На глазахъ возмущенныхъ зрителей, подъ натискомъ безумной, эгоистичной, ослѣпленной толпы гибнетъ, сама честь, сама справедливость и истина. Штокманъ выростаетъ. Онъ уже не главный докторъ купаленъ, живущій тамъ-то и купившій на-дняхъ скатерть на круглый столъ,—онъ—страждущій духъ самого человѣчества, изнывающаго въ частыхъ сѣтяхъ пошлости, глупости и грошевой злобы. И злая ненависть поднимается противъ безумной толпы, со смѣхомъ гасящей свои свѣточи, и зрители перестаютъ быть спокойными зрителями, и въ залѣ родится новая толпа: толпа героевъ, толпа защитниковъ права и справедливости, толпа, всей своей сокрушающей силой готовая ринуться на враговъ Штокмана и грудь съ грудью сцѣпиться съ артистами".

Герой, докторъ Штокманъ, породилъ новыхъ героевъ, и имя имъ толпа. Но она въ зрительномъ залѣ, а на сценѣ другая толпа, далекая и ненавистная Андрееву. Онъ не любитъ толпы на сценѣ, потому что она враждебна Штокману, враждебна и Андрееву: здѣсь, въ зрительномъ залѣ, толпа „близкихъ", тамъ толпа „далекихъ". Но и въ продолжительный героизмъ толпы зрительнаго зала Андреевъ не вѣрилъ, если думалъ: „Свѣтъ, какъ и тьма, имѣетъ своихъ безумцевъ, и не мало ихъ зародилось въ эти трагическія минуты и, къ сожалѣнію, только на эти минуты".

Здѣсь опять отчаяніе, подобное тому, какое

рождается въ духовной атмосферѣ, гдѣ любовь къ людямъ проповѣдуется въ общественной пустотѣ. Какъ же вскрыть эту тайну души Андреева? Какъ же узнать, почему онъ вдругъ полюбилъ толпу зрительнаго зала и возненавидѣлъ ту толпу, которая враждовала съ Штокманомъ?

Тотъ же Ибсенъ помогъ Андрееву познать самого себя. Послѣ постановки пьесы „Когда мы, мертвые, пробуждаемся", Андреевъ въ какой-то патетической любви изливался передъ людьми и писалъ: „Они зовутъ меня къ себѣ изъ этой ледяной пустыни (Андреевъ имѣетъ въ виду бѣлое и нѣмое пространство льда, по которому онъ скользилъ на конькахъ), и я помчусь сейчасъ къ нимъ, потому что я люблю ихъ. Я брошусь въ ихъ объятія, я прижмусь къ ихъ теплому сердцу и буду цѣловать ихъ свѣтлые говорящіе глаза. И если тѣ глаза плачутъ, я поцѣлуями осушу слезы или самъ заплачу съ ними, а если они смѣются—пусть звонкій смѣхъ мой радостью вольется въ ихъ сердца". (Ibid, стр. 264).

Это героиня ибсеновской пьесы, Ирена, заставила Андреева полюбить такъ людей, потому что у каждаго изъ насъ есть своя Ирена. „Это то, не имѣющее имени, всякимъ мыслимое и чувствуемое по-своему, что зоветъ его въ горы, то любитъ, то покидаетъ: то даетъ радость творчества, то грозно и мучительно упрекаетъ. Оно живетъ въ насъ, но вѣчно для насъ самихъ остается символомъ, загадкой, тѣмъ, что мы чувствуемъ, но чего мы не можемъ

опредѣлить и въ словахъ передать другимъ. И оттого даже сильнѣйшіе, краснорѣчивѣйшіе изъ насъ вѣчно и безнадежно одиноки. Ибсенъ увидѣлъ свою Ирену: силой таланта онъ далъ ея образъ и бросилъ его въ яркій свѣтъ рампы, но и при этомъ свѣтѣ она осталась той же загадочной, той же непостижимой, той же единымъ имъ *мыслимой*, какой она была и во мракѣ его души".

И вотъ, несмотря на эту загадочность Ирены и несмотря на ея непостоянство и неразгаданную призрачность, Андреевъ все же „по гладкому льду помчался за нею, на ея призывъ, впередъ къ людямъ..." И разочаровался, потому что „тогда не понималъ жизни".

Стоитъ ли стремиться къ людямъ и любить ихъ, если въ концѣ концовъ и самые сильнѣйшіе и краснорѣчивѣйшіе изъ насъ вѣчно и безнадежно одиноки? Даже яркій свѣтъ рампы не помогъ разгадать тайны Ирены. Можетъ быть, ее совсѣмъ и нѣтъ и никогда не будетъ. Зачѣмъ же тогда любить людей и стремиться къ нимъ? Нѣтъ Ирены, и никто, кромѣ нея, не сумѣетъ сдѣлать доктора Штокмана героемъ надолго: героизмъ родится только въ трагическія минуты, и только на эти трагическія минуты, говоритъ самъ же Андреевъ.

Послѣ постановки пьесы „Докторъ Штокманъ" Андреевъ возвращается домой, и между нимъ и извозчикомъ ведется такой разговоръ:

— „Ты одинокъ?—спрашиваю я.

— „Нѣтъ, мы женаты,—отвѣчаетъ извозчикъ.

— „Въ театрахъ бываешь?

„Извозчикъ смѣется. Смѣюсь и я: у малаго такое добродушное и милое лицо.

— „Но посредствомъ чего же ты облагораживаешь свою душу?

— „Какъ?—не понимаетъ извозчикъ.

— „Ты знаешь, кто ты? Ты—чернь; ты—дворняга; ты—представитель тупого и безсмысленнаго большинства.

— „Ваша воля,—обижается немного малый и отворачивается.

— „Ты знаешь,—продолжаю я,—что сейчасъ въ Каретномъ *) ряду такіе вотъ, какъ ты, погубили самаго лучшаго человѣка, какого я видѣлъ когда-либо?

— „Никакъ нѣтъ, это не мы,—протестуетъ извозчикъ.—Намедни я вотъ тоже одного господина въ Зацѣпы везъ. Говорилъ ничего, вотъ какъ вы, а потомъ какъ меня по шеѣ вдаритъ. А мы что, мы никого не трогаемъ.

— „Но скажи мнѣ, мой младшій братъ: ты хоть что-нибудь слыхалъ объ истинѣ и справедливости?

„И мы каждый исполняли свое назначеніе. Онъ меня везъ, а я о немъ думалъ. О немъ и о такихъ, какъ онъ, звѣряхъ и дворнягахъ, объ ихъ тупости и звѣриныхъ чувствахъ, о той пропасти, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ, возвышенно одинокихъ въ нашемъ гордомъ стремленіи къ истинѣ и свободѣ. И на одинъ мигъ,—странное то было чувство,—во мнѣ

---

*) Театръ Станиславскаго ранѣе помѣщался въ Каретномъ ряду, въ Москвѣ. В. Б.

вспыхнула ненависть къ д-ру Штокману, и захотѣлось изъ своего свободнаго одиночества уйти и раствориться въ этой сѣрой, тупой массѣ полу-людей. (Ibid, стр. 280).

„Диссонансъ! Диссонансъ! Мучительный диссонансъ!"—заканчиваетъ Андреевъ свой фельетонъ этимъ возгласомъ.

Эта встрѣча Андреева съ извозчикомъ, съ „младшимъ" братомъ, съ ближнимъ, какъ бы можно было сказать языкомъ повседневной морали, весьма знаменательна. Это прообразъ той сцены изъ разсказа „Тьма", когда и анархисту, загнанному полиціей, вдругъ становится тяжело быть хорошимъ. И того анархиста и Андреева потянуло къ „звѣрямъ", „къ дворнягамъ", къ представителямъ тупого и безсмысленнаго большинства.

Припомните, въ сороковыхъ годахъ минувшаго столѣтія въ той же Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, яркіе представители народившейся интеллигенціи давали Аннибалову клятву—служить меньшему брату, служить тупому и безсмысленному большинству. И Андреева въ Каретномъ ряду посѣтило желаніе уйти отъ свободнаго одиночества въ гущу сѣрой толпы меньшихъ братьевъ. Герой Штокманъ оказался для Андреева непріемлемымъ, онъ принялъ и оправдалъ, и полюбилъ толпу полу-людей. И Герценъ, и Огаревъ, а позднѣе Тургеневъ, а за ними слѣдомъ тысячи выразителей интеллигентской мысли разстались съ своимъ свободнымъ одиночествомъ, повторяя ту же Аннибалову клятву. И Андреевъ явился выразителемъ

всѣхъ ихъ, ушедшихъ отъ насъ навсегда. Но и для Андреева Аннибалова клятва превратилась въ трагическую минуту въ формулу иныхъ настроеній и иныхъ исканій,—и онъ ушелъ въ сторону сверхъ-человѣка.

Въ міросозерцаніи Андреева совершился какъ разъ тотъ переломъ, который проф. Рейснеръ охарактеризовалъ, какъ переломъ писателя, ушедшаго въ сторону благовѣста ницшеановскаго „великаго полдня“: „сверхъ-человѣкъ воспринятъ Андреевымъ и получилъ у него русское тѣло и душу“. Чрезъ Аннибалову клятву и любовь къ ближнимъ Андреевъ прошелъ къ сверхъ-человѣку и укрѣпился въ любви къ дальнимъ. А пока не наступилъ вѣкъ сверхъ-человѣка, Андреевъ вѣритъ, что побѣдитъ не истина и не ложь. Побѣдитъ то, что находится въ связи съ самой жизнью: то, что укрѣпляетъ ея корни и оправдываетъ ее. Къ этому ибсеновскому оправданію жизни въ міросозерцаніи Л. Андреева К. Арабажинъ относится, какъ къ „выходу въ сторону безхитростнаго радованія жизнью“, т. е. къ выходу въ тѣ лабиринты философской мысли, гдѣ пока еще съ немногими единомышленниками блуждаетъ провозвѣстникъ имманентнаго субъективизма, г. Ивановъ-Разумникъ. „Но,—оговаривается г. Арабажинъ,-Андреевъ далекъ отъ этихъ философскихъ настроеній, его настроенія плодъ непосредственныхъ ощущеній и интуицій“. Но, Андреевъ и не пойдетъ на путь „безхитростнаго радованія жизнью“, добавляяъ мы отъ себя. Въ одномъ изъ раннихъ фельетоновъ Андреева

мы находимъ такую цитату изъ книги о Іовѣ: „Не изъ праха выходитъ горе, и не изъ земли выростаетъ бѣда, но человѣкъ рождается на страданіе, какъ искры, чтобы устремиться вверхъ“. Развѣ же возможно, спросимъ мы г. Арабажина, безхитростно радоваться жизнью подъ защитой такой цитаты изъ книги человѣческихъ страданій библейскаго страдальца? Посмотрите, что говоритъ о тоскѣ по жизни и о жертвахъ самъ Андреевъ: „Тоска о жизни—ужасная, смертельная тоска! Это уже не кроткое беззубое страданіе, слезливо огрызающееся съ одра духовныхъ немощей, это уже не тупо-меланхолическая покорность, подставляющая поочередно ланиты для заушенія,—это вопль ограбленнаго и умирающаго человѣка, который взываетъ о справедливости и возмездіи. Умирая, сходя со сцены жизни, онѣ поняли, что онѣ—жертвы, и просятъ, чтобы жертва была осмыслена послѣдующими поколѣніями, чтобы имъ данъ былъ отвѣтъ, зачѣмъ онѣ страдали?“.

Это говоритъ Андреевъ о трехъ сестрахъ изъ пьесы Чехова.

Здѣсь опять таки не забота о безхитростномъ радованіи жизнью, а муки и запросы героевъ Достоевскаго. Вѣру въ побѣду жизни въ міросозерцаніи Андреева проф. Рейснеръ разсматриваетъ, какъ провозглашеніе примата жизни предъ разумомъ, безсознательнаго надъ сознательнымъ, и что въ міросозерцаніи нашего писателя на первый планъ выдвигается та могучая иллюзія, которая, будучи „дикой уткой“, тѣмъ не менѣе творитъ жизнь, органи-

зуетъ и двигаетъ ее впередъ. (Вступит. статья г. Рейснера къ I т. изд. „Просв.“). И чтобы понять положительную сторону Андреевской идеологіи, тотъ же авторъ рекомендуетъ обратиться къ Ницше и у него искать ключъ къ героямъ русскаго поэта современности. Андреевъ, говоритъ г. Рейснеръ, не принялъ ницшеанства въ его соціальныхъ выводахъ съ идеаломъ аристократіи. „Масса кули“ для Андреева не безразличная масса человѣческихъ тѣлъ, и сверхъ-человѣкъ—не властелинъ надъ этой массой. Сверхъ-человѣкъ для Андреева только символъ, только образъ будущаго идеальнаго человѣка. Благодаря Ницше, говоритъ далѣе г. Рейснеръ, Андреевъ счастливо избѣгнулъ Сциллы и Харибды. „Во-первыхъ, онъ избавился отъ Сциллы безпросвѣтнаго отчаянія и пессимизма. Нарисовавъ намъ самыми мрачными, отчаянными чертами жизнь человѣка, онъ противупоставилъ ему великолѣпнаго сверхъчеловѣка, и тѣмъ сохранилъ намъ надежду на лучшее будущее. Съ другой стороны, Л. Андреевъ не подпалъ и Харибдѣ соціализма съ его вѣрой въ человѣка, съ демократическимъ инстинктомъ, „моралью рабовъ“ и планами радикальнаго преобразованія общества. Этимъ Андреевъ спасъ свои индивидуалистическія начала—идеологію естественнаго и механическаго общества“. („Л. Андреевъ и его соціал. идеал.“ стр. 88).

Далѣе г. Рейснеръ вступилъ уже на путь прогноза и говоритъ, что, такъ какъ Андреевъ не провелъ ницшеанскаго принципа до конца, то

автору будущій Андреевскій сверхъ-человѣкъ представляется существомъ „безъ кули и какихъ бы то ни было рабовъ“... Въ худшемъ случаѣ онъ можетъ явиться сразу и населить землю, но предварительно очистивъ ее святымъ огнемъ отъ всѣхъ человѣковъ съ ихъ ложью, трусостью и преступленіемъ. Г. Рейснеръ говоритъ, что Андреевъ повторяетъ кругъ, который однажды продѣлалъ Руссо, но только дѣлаетъ это въ иномъ видѣ, т.-е, объявилъ современное человѣчество испорченнымъ и противупоставилъ ему сверхъ-человѣка, какъ нормальнаго человѣка разума и природы.

И это и есть тотъ путь, по которому идетъ Андреевъ отъ юношескихъ увлеченій Шопенгауэромъ и Гартманомъ до ницшеанства, облеченнаго въ русское тѣло и душу.

IX.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей покойный А. П. Чеховъ писалъ:

„Критики похожи на слѣпней, которые мѣшаютъ лошади пахать землю. Лошадь работаетъ, всѣ мускулы натянуты, какъ струны на контрабасѣ... а тутъ на крупъ садится слѣпень и щекочетъ, и жужжитъ? Нужно встряхивать кожей и махать хвостомъ... О чемъ это онъ жужжитъ? Едва ли ему понятно это... Просто, характеръ у него безпокойный и заявить о себѣ хочетъ,—„молъ, тоже на землѣ живу... Вотъ видите, могу даже жужжать... обо всемъ могу жужжать“. Я двадцать пять лѣтъ читаю

критики на мои разсказы *и ни одного цѣннаго указанія не помню*, ни одного добраго совѣта не слышалъ".

То же самое могъ бы сказать о себѣ и Андреевъ, признающій, что дѣльная, а главнымъ образомъ, мотивированная критика можетъ быть полезной не только начинающему писателю, но и автору уже съ установившейся репутаціей.

Мнѣнія критики объ Андреевѣ, по словамъ послѣдняго, сводились къ слѣдующему:

„Каждое утро приноситъ кучу вырѣзокъ, и чтеніемъ ожесточенной брани по своему адресу я начинаю мой день. Брань эта всесторонняя и не упускаетъ ничего, за что можно бранить. Бранятъ за „болѣзнь" моего творчества, за мой черный пессимизмъ; партійные критики обвиняютъ меня за „Царь Голодъ" въ безвѣріи въ побѣду соціализма. Луначарскій въ книгѣ „Литературный распадъ", посвященной борьби съ уродствами современной литературы, съ точки зрѣнія пролетарскаго міровоззрѣнія, обвиняетъ меня въ почти клеветническомъ изображеніи рабочаго класса. Идею „Царя Голода" поняли, какъ объявленіе банкротства революціи. Можетъ быть, я самъ до извѣстной степени виновенъ въ томъ, что я такъ понятъ. Я не далъ ясно понять, что здѣсь идетъ рѣчь только о простомъ бунтѣ, а не объ истинной революціи. Правда, у меня одинъ персонажъ говоритъ: „Не оскорбляйте революцію,—это бунтъ", но, въ самомъ дѣлѣ, это, конечно, мало. Если бы знали весь планъ моей работы, знали, что за

„Миромъ и войной“, о которой я думаю сейчасъ, идетъ спеціальная часть „Революція“,— этого упрека мнѣ бы не сдѣлали. Пожалуй, меня упрекнутъ даже въ чрезмѣрномъ оптимизмѣ. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы прямо оговорить это въ предисловіи или въ примѣчаніи, но я этого не сдѣлалъ. Вотъ всегдашняя невыгода выдавать трудъ частями“.

Въ послѣднихъ словахъ слышна несомнѣнная иронія. Страннымъ дѣломъ занялся бы писатель, если бы ему, дѣйствительно, пришлось снабжать свои разсказы и пьесы предисловіями и подстрочными примѣчаніями. Странную неловкость почувствовали бы и критики, если бы Андреевъ сдѣлалъ это. Какъ мы уже говорили, Андреевъ еще не понятъ, не разгаданъ нашей критикой съ должной полнотой, хотя отдѣльные этапы его творчества и установлены. Выявленъ и тотъ путь міропониманія и жизнеощущенія писателя, которыхъ нельзя было не опредѣлить, изучая произведенія Андреева безъ предвзятости. Нельзя обвинять и тѣхъ немногочисленныхъ и добросовѣстныхъ критиковъ Андреева, которымъ еще не удалось съ должной полнотой установить его писательскую личность. Андреевъ еще весь на пути исканія ницшеанскаго „великаго полдня“, и объ итогахъ пройденнаго имъ пути можно говорить только, не уклоняясь въ сторону безплодныхъ и неубѣдительныхъ пророчествъ. И если правда, что Андреевъ—ницшеанецъ, облеченный въ русское тѣло и душу, то посмотрите, какими пу-

тями проходятъ герои его произведеній къ „великому полдню".

„...если въ Саввѣ преобладаетъ революціонность,—пишетъ г. Рейснеръ,—въ Іудѣ знаніе человѣка, въ астрономѣ—любовь къ безсмертію нъ Мусѣ и Вернерѣ —самоотреченіе, а Лейзеръ даетъ образчикъ безкоиечной любви, то въ самомъ сверхъ-человѣкѣ мы пока не находимъ критерія его сущности, и слишкомъ широки колебанія и размахъ его *я*, широки и неопредѣленны". (Ibid, стр. 150).

Но если широки и неопредѣленны размахъ и колебанія пока еще непостижимаго для насъ „*я*" будущаго сверхъ-человѣка, то не оправдываетъ ли это широты и неопредѣленности художественныхъ и сканій Андреева,—исканій путей изъ сферъ современнаго намъ индивидуализма въ „невѣдомыя страны еще невѣдомыхъ чудовищъ", какъ говоритъ Хаггартъ въ „Океанѣ".

Но индивидуализмъ Андреева, какъ оказывается, еще подъ эгидой противорѣчій. „Противорѣчія индивидуализма неисцѣлимы, но его фантазмы творятъ жизнь, говоритъ проф. Рейснеръ.—Чрезъ „Бездну" и „Красный смѣхъ", чрезъ „Жизнь Человѣка" и „Савву", чрезъ „Ѳивейскаго" и „Анатэму" они широкой струей входятъ въ русское сознаніе, знаменуютъ восходъ нашего индивидуализма" (стр. 152).

Но если противорѣчія индивидуализма дѣйствительно *неисцѣлимы*, и у Андуреева, какъ средства, остаются только *его фантазмы*, то не позволительно ли предположить, что эти фан-

тазмы, какъ художественное средство, дадутъ Андрееву возможность *устранить* противорѣчія. Недаромъ онъ крупный художникъ и недаромъ его Савва грозилъ оголить землю, и недаромъ его Анатэма вызывалъ огонь очищенія, и недаромъ его Хаггартъ зоветъ человѣка въ невѣдомыя страны.

А пока, Андреевъ—неразгаданный сфинксъ россійской интеллигенціи и непонятый писатель, и въ этомъ его значительность, красота и жизненность.

Любопытный анализъ творчества и произведеній Андреева сдѣланъ критикомъ „Соврем. Міра" М. П. Невѣдомскимъ. По мнѣнію этого критика, литературный распадъ, о которомъ такъ много пишутъ еще и до сихъ поръ, и дифференціація интеллигенціи, которою еще не завершенъ кругъ исканій, привели художниковъ слова къ тому, что они утратили былое ощущеніе живой связи съ читателемъ, не знаютъ, не чувствуютъ, какъ знали и чувствовали еще недавно.

„Можетъ быть, этой „писательской драмой" нашихъ дней надо объяснить и тонъ, и формальные дефекты послѣднихъ вещей Андреева. Характерно, между прочимъ, что именно по мѣрѣ наступленія распада интелигентскаго происходитъ измѣненіе Андреевскаго стиля. Сначала—это глубоко интимное творчество, вопросительные знаки, за которыми все время чувствуются переживанія самого автора, интимная работа его духа. Но начиная съ „Жизни Человѣка", часть произведеній уже пишется въ

ультра - объективномъ, даже схематическомъ родѣ. Въ „Проклятіи звѣря“ и еще болѣе въ „Черныхъ маскахъ“ и „Моихъ запискахъ“— стиль и тонъ глубоко двойственны: то схема и шаржъ, или символъ, превращенный почти въ аллегорію, то явственно личныя ноты. Именно такъ—не интимныя, а—личныя... И эта двойственность порождаетъ неясности, иногда страшно затрудняющія пониманіе“. („Совр. Міръ“, 1909 г., мартъ).

Особенно непонятымъ и неразгаданнымъ критиками осталось одно изъ послѣднихъ произведеній Андреева „Океанъ“, этотъ схематически зарисованный океанъ жизни, по которому плаваютъ таинственные корабли на „черныхъ парусахъ“. А между тѣмъ, эти черные паруса уже занесли на скучный берегъ нашей жизни прообразъ новаго человѣка, который умѣетъ „слѣдить за невидимымъ полетомъ ядеръ“ и который говоритъ, что „только глупцы нуждаются въ цѣли, а дьяволъ зажмурившись бросаетъ камни“.

Пока сверхъ-человѣкъ Андреева еще демоническая фигура, но надо надѣяться, что жизнь поможетъ писателю выявить и его человѣческій образъ. Сашка Жегулевъ, герой его послѣдняго значительнаго произведенія, представленъ уже въ образѣ человѣка съ чертами трагической борьбы между личностью и народомъ.

Одинъ изъ критиковъ остроумно сказалъ: какую бы юмористическую біографію Андреева можно было составить, если бы собрать всѣ выдумки и небылицы, когда-либо появлявшіяся объ Андреевѣ въ столичныхъ и захолустныхъ провинціальныхъ газетахъ. Мы игнорировали эти выдумки, и получилось жизнеописаніе, полное красивыхъ трагическихъ переживаній.

Закончимъ повѣсть объ этой красивой жизни тѣмъ же, съ чего начали: жизнь Андреева скована, ибо онъ—человѣкъ земли, въ искусствѣ онъ силится освободить себя ради свободы человѣка.

„Жизнь скована—искусство свободно“...

В. В. Брусянинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Книги о Леонидѣ Андреевѣ.

Александровичъ, Ю. Послѣ Чехова. Очерки молодой литературы послѣдняго десятилѣтія 1898—1908 г.г.

Аничковъ, Е. Литературные образы и мнѣнія. „Тьма". СПБ., 1904 г.

Арабажинъ, К. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. СПБ., 1910 г.

Барановъ, Н. П. Леонидъ Андреевъ, какъ художникъ, психологъ и мыслитель. Кіевъ, 1907 г.

Боцяновскій, В. Леонидъ Андреевъ. Критико-біографическій очеркъ. СПБ., 1904 г.

Его же. Богоборцы Леонида Андреева. Въ книгѣ „Богоборцы". СПБ., 1911 г.

Брянцевъ, Л. Идея трагедіи Л. Андреева „Анатэма" и ея развитіе. Харьковъ, 1910 г.

Бурговъ, Л. Повѣсть Л. Андреева „Искаріотъ" и друг. Психологія и исторія предательства Іуды. Харьковъ, 1911 г.

Валентиновъ, Н. Мы еще придемъ! („Жизнь Человѣка", „Царь-Голодъ"). Москва, 1908 г.

Вартонъ, В. Л. Н. Толстой и Л. Андреевъ. Баку, 1909 г.

Горнфельдъ, А. „Книги и люди". Мелкіе разсказы Л. Андреева. „Тьма". СПБ., 1908 г.

Жураковскій, Е. Симптомы литературной эволюціи. Москва, 1903 г.

Его же. Трагикомедія современной жизни. Москва, 1907 г.

Закржевскій, А. „Подполье". Параллели: Достоевскій, Андреевъ и друг. Кіевъ, 1911 г.

Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни: Ѳ. Сологубъ, Л Андреевъ, Л. Шестовъ. СПБ., 1908 г.

Измайловъ, А. Литературный Олимпъ. 1911 г., стр. 235—293.

Іеромонахъ Михаилъ. Отцамъ и дѣтямъ. „Въ туманѣ“. Москва, 1904 г.

Кубе, О. Кошмары жизни. О Л. Андреевѣ и Пшебышевскомъ. СПБ., 1909 г.

Лебедевъ, Б. „Проклятіе звѣря“ Л. Андреева. СПБ., 1908 г.

Морозовъ, М. Очерки новѣйшей литературы. Л. Андреевъ. СПБ., 1910 г.

Муморцевъ, А., д-ръ. Психопатическія черты въ геройхъ Леонида Андреева. СПБ., 1910 г.

Орловскій. Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. Москва, 1910 г.

Рейснеръ, М. Леонидъ Андреевъ и его соціальная идеологія. Опытъ соціологической критики. СПБ., 1909 г.

Смоленскій, Н. Защитникамъ Леонида Андреева. Москва, 1909 г.

Струмилинъ, С. Символика „Черныхъ масокъ“. Въ книгѣ „Аристократія духа и профаны“. СПБ., 1910 г.

Урусовъ, Н. кн. Безсильные люди въ изображеніи Л. Андреева. СПБ., 1903 г.

Чуковскій, К. Леонидъ Андреевъ большой и маленькій. СПБ., 1908 г.

Его же. О Леонидѣ Андреевѣ. СПБ., 1911 г.

Фишеръ, К. „Анатэма“ въ постановкѣ московскаго художественнаго театра. Художественная фототипія. Москва, 1910 г.

Фриче. Леонидъ Андреевъ. Опытъ характеристики. Москва, 1901 г.

Этингеръ, Е. Нѣкто въ сѣромъ и нѣкто въ красномъ у Леонида Андреева. Кіевъ, 1908 г.

II. Статьи о Леонидѣ Андреевѣ въ газетахъ и журналахъ.

Библіографія о Л. Андреевѣ весьма обширна, и приведенный нами списокъ статей объ Андреевѣ далеко не исчерпываетъ всего. Намъ пришлось ограничить выборъ статей съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы въ указателѣ были упомянуты работы авторовъ различныхъ литературныхъ школъ и направленій и политическихъ убѣжденій.

А. Е. Литературный Янусъ. „Харьк. Вѣдом.“ 1902 г.
Аврелій. О Л. Андреевѣ. „Жизнь Человѣка“. „Вѣсы“, 1908 г., I.
А. Е. Р. „Враги“ Горькаго и „Жизнь Человѣка“ Андреева „Рус. Бог.“ 1907 г., Кн. 7.
Адріановъ, С. Критическіе наброски. „Вѣстн. Евр.“, 1908 г., кн. 8.
Азовъ, Вл. „Gaudeamus“. „Рѣчь“, 1910 г., № 256.
Александровъ, И. Записки (10-лѣтн. юбилей Л. Андреева)., „Од. Лист.“, 1908 г., 8 апр.
Аничковъ, Е. „Къ звѣздамъ“. „Стр.“ 1906 г., май.
Аменитеатровъ, А. Литературный Мейерберъ. „Одес. Лист.“ 1907 г., 14 сент.
Антонъ Крайній. Л. Андреевъ. Разсказы. „Вѣсы“, 1908 г. кн. 7.
Его же „Іуда“. „Вѣсы“, 1907 г., кн. 7.
Арабажинъ, К. На грани двухъ міровъ. „Наша Газ.“, 1909 г., апр., № 74.
Его же Формула желѣзной рѣшетки. „Міръ“, 1909 г., кн. 4.
Арнольдъ, В. „Жизнь Человѣка“. „Стол. Утро“, 1907 г. №№ 11 и 12.
Аскольдовъ, С. Іуда и друг. въ пониманіи Л. Андреева. „Вѣкъ“, 1907 г. 17 февр.
Ачкасовъ, А. „Проклятіе звѣря“. „Кіев. М.“. 1908 г., 11 марта.
Ашешевъ, Н. Изъ жизни и литературы. „Обр.“, 1907 г.
Его же „Жизнь Василія Ѳивейскаго“. „Обр.“, 1904 г., кн. 5.

Айхенвальдъ, Ю. Литературныя замѣтки. „Рус. М.“, 1908 г., кн. 3.
Базилевичъ, В. Л. Н. Андреевъ, его жизнь и творчество. „Вс. Жур.“ 1910 г. кн. 1.
Басаргинъ, А. „Неореализмъ“ Л. Андреева. „Моск. Вѣд.“, 1908 г., 14 іюля.
Его же Поджигатели. „Моск. Вѣд.“, 1905 г., 19 февр.
Батюшковъ, Ѳ. „Дѣти солнца“. „Къ звѣздамъ“. „М. Бож.“, 1906 г., кн. 7.
Его же А. Купринъ и Л. Андреевъ. „Рѣчь“, 1907 г.
Его же „Воръ“ Л. Андреева и „Воръ“ Ф. Зальтена „Южн. Зап.“ 1905 г. 17 апр.
Боборыкинъ, П. „Жизнь Человѣка“. „Слово“, 1907 г., 19 дек.
Богдановичъ, А. Л. Андреевъ. Разсказы. „М. Бож.“, 1901 г., кн. 11.
Боктромъ, А. Что говоритъ родительскому сердцу разсказъ Л. Андреева „Въ туманѣ“?„Обр.“, 1903 г.
Боркъ. Въ чемъ опасность? „Рус. Знамя“, 1907 г. № 129.
Боцяновскій, В. Великій инквизиторъ Л. Андреева.„Русь“, 1908 г., 27 окт.
Его же „Савва“. „Русь“, 1908 г., окт.
Его же „Жизнь Василія Ѳивейскаго“. „Русь“, 1904 г.
Буренинъ, В. „Жизнь Человѣка“. „Нов. Вр.“, 1907 г. 24 авг.
Его же Разговоръ. „Нов. Вр.“, 1908 г., 28 ноября.
Бѣлый, Андрей. Смерть или возрожденіе. („Жизнь Человѣка“) „Литер.-худ. недѣля“, 1907 г., 17 сент.
Бѣляевъ, Юр. „Дни нашей жизни“. „Нов. Вр.“, 1908 г., 6 ноября.
Бэнъ. „Жизнь Человѣка“. „Моск. Вѣдом.“, 1907 г.
В. А. Щ. Голгоѳа (Л. Андреевъ). „Обр.“, 1908 г. кн. 6.
Венгеровъ, С. Л. Андреевъ. Энц. Слов. „Брокг. и Эфрона“. 1 дополнительн. полут. СПБ. 1906 г.
Вергежскій, А. Отравленный поэтъ. („Царь Голодъ“), „Руль“, 1908 г. 9 мар.
Вольскій, А. „Мысль“, „Въ туманѣ“. „Правда“, 1904 г.
Вольный. Семь повѣшенныхъ. „Гражд.“, 1908 г.,22 іюня.
Волжскій. О голосахъ критики по поводу „Жизни Василія Ѳивейскаго“. „Гол. Юга“, 1904 г., 14 дек.
Волошинъ, М. „Іуда“. „Русь“, 1907 г., іюнь.
Его же. „Нѣкто въ сѣромъ“. „Русь“, 1907 г. февр.

Его же. Лики творчества („Елеазаръ"). „Русь", 1906 г. № 47.
Вѣтринскій, Ч. „Красн. смѣхъ". „Ниж. Лист.", 1905 г.
Высокій, Семенъ. „Мракъ и дыра". „Крым. Сл.", 1907 г.
Геккеръ, И. О „Тьмѣ" Л. Андреева. „Од. Нов.", 1907 г., 2 дек.
Его же. „Жизнь Василія Ѳивейскаго". „Од.Нов.", 1904 г., 20 іюля.
Гиппіусъ, З. „Тьма". „Вѣсы", 1908 г., II.
Горифельдъ, А. „Тьма" Л. Андреева. „Товар.", 1907 г. 2 дек.
Его же. Мелкіе разсказы Л. Андреева. „Наша Жизнь", 1906 г., апр.
Его же. „Мои записки" Л. Андреева. „Рус. Бог.", 1909 г., кн. 1.
Гранитовъ. Пѣвецъ молчанія. „Нов. Дня", 1907 г., № 46.
Гуревичъ, Л. Двѣ новыя постановки Художественнаго театра. „Слово", 1907 г., 30 апр.
Его же. „Анатэма" Л. Андреева. „Рус. Мысль", 1909 г. кн. 12.
Державинъ, Н. Отъ земли къ небу. (Елеазаръ). „Закавк.", 1907 г. № 136.
Джонсонъ, Н. У гроба мертвой правды. „Кіев. Гол.", 1907 г. № 49.
Его же. Юбилей Л. Андреева. „Кіев. Вѣсти", 1908 г., 8 апр.
Дмитріевъ, П. Журнальное обозр. „Обр.", 1907 г., III.
Дорошевичъ, В. „Жизнь Человѣка". „Рус. Сл.", 1907 г., 6 марта.
Евг.Л. „Жизнь Василія Ѳивейскаго". „Вѣстн. Евр.", 1904 г.
Езерскій, Н. Болѣзненныя черты творчества Л. Андреева. „Пен. Вѣд.", 1908 г., 16 янв.
Епископъ Георгій. Индивидуалистическое міросозерцаніе Л. Андреева. „Вѣра и Раз.", 1909 г., май.
Ergo. Стыдно быть хорошимъ. „Россія", 1907 г. 29 нояб.
И. „Іуда Искаріотъ". „Рус. Вѣд.", 1907 г. № 106.
„ „Тьма". „Рус. Вѣд.", 1907 г., 1 дек.
„ Литерат. Отклики. „Рус. Вѣд.", 1908 г.
Ивановъ Вячеславъ. „Жизнь Васил. Ѳивейскаго". „Вѣсы", 1904 г., № 5.
Измайловъ, А. О разсказѣ „Жили-были". „Бирж. Вѣд." 1901 г., 9 апр.

Его же. „Дни нашей жизни". „Бирж. Вѣд.", 1908 г., 6 нояб.
Его же. „Къ звѣздамъ". (Первые шаги Л. Андреева). „Нов. Слово", 1910 г., янв.
Исаакъ. Исканіе отрицанія. „Забайк. Нов.", 1907 г., 22 іюля.
Караваевъ, Н. „Къ звѣздамъ" на вѣнской сценѣ. „Юж. Край". 1906 г. 1 ноября.
Кизеветтеръ, А. „Анатэма". „Рус. Мысль", 1909 г., кн. 1.
Колосовъ, Н. св. Сверхчеловѣческая любовь. „Душесп. Чтен.", Моск. 1908 г.
Косоротовъ, А. Мертвый театръ („Дни нашей жизни"). „Рѣчь", 1908 г., 6 дек.
Кранихфельдъ, В. О Л. Андреевѣ. „Міръ Бож.", 1903 г., № 4.
Его же. „Разсказъ о семи повѣшенныхъ". „Совр. Міръ", 1908 г., № 4.
Его же. „Анатэма" и друг. „Совр. Міръ". 1910 г. янв.
Кугель, А. О Л. Андреевѣ. „Театръ и Искус.", 1907 г., № 9.
Лнд., Н. „Къ звѣздамъ". (Къ постан. въ театрѣ въ Теріокахъ). „Рос.", 1907 г. № 464.
Левинъ, К. А гдѣ же Христосъ? „Вѣкъ". 1907 г.
Левинъ, Д. „Мои записки". „Рѣчь", 1908 г., № 278.
Легри, А. „Савва". (Къ постан. въ театрѣ въ Теріокахъ). „Русь", 1907 г., № 182.
Литературный Старовѣръ. „Жизнь Человѣка". „Гол. Пр.", 1907 г., № 531.
Его же. „Тьма". „Гол. Пр.", 1908 г., 11 янв.
Луначарскій. „Царь Голодъ". Сборн. „Литературн. Распадъ", 1908 г.
Львовъ, В. „Мертвое царство" (разсказы Л. Андреева). „Обр.", 1904 г., № 11.
Его же. „Призраки", „Красный смѣхъ". „Обр.", 1905 г., кн. 3.
Его же. Шаги смерти: „Жизнь Человѣка", „Елеазаръ". „Образ.", 1907 г., № 3.
Ляцкій, Евг. Между бездной и тайной. („Елеазаръ", „Іуда Искар.") „Совр. Міръ", 1907 г., №№ 7 и 8.
Марковъ, С. Отравленная литература „Рос.", 1908 г., 28 мая.
Мережковскій, Д. Въ обезьяньихъ лапахъ. „Рус. Мысль", 1908 г., № 1.

Его же. Сошествіе во адъ. („Семь повѣшенныхъ"). „Рѣчь", 1908 г., 19 іюня.
Минскій, Н. Леонидъ Андреевъ и Мережковскій. „Наша Газ.", 1908 г. № 1.
Его же, „Іуда". „Наша Газ.", 1908 г., янв.
Его же. „Тьма" и „Прокл. звѣря", „Наша Газ.", 1908 г., мартъ.
Миртовъ, О. Война въ произведеніяхъ Толстого, Гаршина и Л. Андреева. „Образ.", 1905 г., № 10.
Михайловскій, Н. К. Л. Андреевъ. Разсказы. „Рус. Бог.", 1901 г., № 11. То же „Посл. сочин.", т. 2, стр. 160.
Маровъ, В. Геній нашего времени („Мои записки"). „Вечеръ", 1908 г., 16 окт.
Морозовъ, М. Ужасы безцѣльности. Сб. „Вершины", т. I, 1909 г.
Морской. Больной театръ. „Рус. Голосъ", 1906 г., февр.
Неблагосклонный читатель. Литератур. экстазъ. („Тьма"). „Слово", 1907 г., 30 ноября.
Невѣдомскій, М. Жертва стилизаціи. „Совр. М.", 1908 г., № 12.
Его же. Объ искусствѣ нашихъ дней и объ искусствѣ будущаго. „Совр. Міръ", 1909 г., №№ 2, 3 и 4.
Его же. Наша художествен. литература предреволюціоннаго періода. Въ сборн. „Обществ. движ. въ Россіи въ началѣ 20 вѣка".
N. Опыты литературнаго обмораживанія. (Л. Андреевъ, тт. 1—4). „Кіевл.", 1907 г., 3 авг.
Оболенскій, Л. О Л. Андреевѣ. „Одес. Лист.", 1902 г., апр.
Орловскій, П. Андреевъ и русская интеллигенція. „Одес. Обозр.", 1908 г., 8 апр.
Его же. „Правда" или „Ложь"? „Одес. Обозр.". 1908 г., 12 окт.
Петровъ, Гр. „Дни нашей жизни". „Слово", 1909 г., № 811.
Пильскій, П. Крахъ „Пѣтаго полубога". „Наука и Жизнь", 1904 г., № 4.
Его же. Двуликій геній. „Своб. Мысли", 1908 г., 20 мая.
Полонскій, Г. „Тьма" Л. Андреева свѣтитъ. „Нашъ День", 1908 г., № 13.
Его же. „Царь Голодъ". „Нашъ День", 1908 г.. № 16.
Поссе, Вл. Выдумки Л. Андреева. „Слово", 1908 г., № 472.
Протопоповъ, М. Молодые всходы. „Рус. Мысль", 1902 г., кн. 3.

Р—тъ, М. Отрицаніе жизни. (О пессимизмѣ Л. Андреева). „Одес. Обозр.“, 1909 г., 14 авг.
Розановъ, В. Литературныя и педагогическія дѣла. „Нов. Вр.“, 1907 г.
Его же. О „Тьмѣ“ Л. Андреева. „Нов. Врем.“, 1907 г.
Его же. „Іуда“. „Нов. Вр.“, 1907 г., іюль.
Его же. Русскій реалистъ объ евангельскихъ событіяхъ и лицахъ. 1907 г., „Нов. Вр.“, 19 іюля.
Рутскій. Литературное движеніе. „Рус. Слово“, 1905 г., 1 февр.
Рѣдько, А. „Хорошіе“ и „плохіе“ у Л. Андреева. „Рус. Бог.“, 1908 г., № 7.
Его же. Объ „Анатэмѣ“ въ связи съ общимъ жизнеотношеніемъ Л. Андреева. „Рус. Бог.“, 1909 г., № 12.
Его же. Объ „Океанѣ“ Л. Андреева. „Рус. Бог.“, 1911 г., май.
Рында. Современное босячество печати и сцены. („Жизнь Человѣка“). „Рус. Зн.“, 1907 г., 20 апр.
S. Скандалъ въ одесскомъ театрѣ („Жизнь Человѣка“). „Бир. Вѣд.“, 1907 г., 7 апр. ТО ЖЕ. „Кіев. Газ.“, № 92.
Свой. Какъ теперь прохвосты дѣлаются знаменитостями. „Вѣче“. 1907 г. 3 іюля.
Сергѣй Глаголь. „Жизнь Человѣка“ на сценѣ моск. худож. театра. „Волга“, 1908 г., 28 янв.
Скабичевскій, А. Новый талантъ. „Новости“, 1902 г., янв.
Смирновъ, А. Трагедія анархизма. „Савва“ Л. Андреева. „Обр.“, 1906 г., № 11.
Смоленскій. На чтеніи „Разсказа о семи повѣшенныхъ“. „Нов. Сл.“, 1909 г., кн. 2.
Сперанскій, В. Идея трагической красоты и Л. Андреевъ. „Нов. Журн. для Всѣхъ“. 1908 г. № 1.
Т-цкій, Л. Жизнь человѣка и „Жизнь Человѣка“ Андреева. „Сѣверъ“, Вологда, 1907 г. 27 іюля.
Треплевъ. Разоренная жизнь. (Разсказы Л. Андреева). „Рус. Мысль“, 1905 г., кн. 4 и 5.
Тришатный, А. Восхваленіе измѣны и предательства. („Іуда Искаріотъ“). „Рус. Зн.“, 1907 г., 15 іюля.
Философовъ, Д. Вокругъ и около Л. Андреева. „Рѣчь“, 1908 г., 2 апр.
Его же. Манія величія. „Рѣчь“, 1909 г., № 269.
Хованьскій, І. св. Отголоски и плоды индивидуализма, какъ ученія въ русской жизни. „Подолія“, 1907 г.

Чужановъ, И. Убійство изъ жалости. „Од. Лист.“, 1910 г., № 247.
Чуковскій, К. Оптимизмъ Л. Андреева. (Къ 10-ти-лѣтію литер. дѣят.). „Св. Мысли“, 1908 г., 15 апр.
Чулковъ, Г. Казни („Семь повѣшенныхъ“). „Слово“, 1908 г., 18 мая.
Шестаковъ, Д. „Іуда“. „Слово“, 1907 г. 1 іюня.
Эсаша. Новая и старая нравственность. „Варш. Дн“. 1908 г., 1 апр.
Эсъ Пэ. У Леонида Андреева. „Рус. Сл.“, 1908 г. № 228.
Эфросъ, Н. „Анатэма“ въ художественномъ театрѣ. „Рѣчь“, 1909 г., октяб.
Яблоновскій, С.„Мои записки“. „Рус. Сл.“, 1908 г., 11 окт.
Ясинскій, І. „Невысказанное“ (по поводу первой книги разсказовъ Л. Андреева). „Ежем. Соч “, 1901 г. кн. 12.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАС
МОСКВА,
Тургеневская площадь, д. Стр. О-ва „Россія“
Телефонъ № 189—60.

Рихардъ Демель. Собраніе сочин
ванный переводъ съ дополненіями
скаго изданія. Вступительная статья
Т. 2-й „Странички жизни“. Нове
Горбуновой. Цѣна 1 р 20 к.

Рихардъ Демель. Собр. соч. Т
Спутникъ человѣческій (драма).
Пер. Л. Горбуновой. Цѣна 1 р

Ж. К. Гюисмансъ. Собра
„Тамъ внизу“ („Бездна“). Пе
(Наложенъ арестъ). Цѣна 1

Ж. К. Гюисмансъ. Собр.
Пер. Ю. Спасскаго. (Печата

Гуннаръ Гейбергъ. Собра
ванный переводъ съ норвеж
Вступительная статья гр. Де

Гуннаръ Гейбергъ. Собр.

Г. Жулавскій. Собраніе
ребряномъ шарѣ“. Ром. Пе
1 р. 40 к.

Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. 2-й. „Побѣдитель“. (Печатается).

Бекфордъ.—„Ватекъ“. Арабская сказка. Пер. Бор. йцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ ка“ П. П. Муратова. Цѣна 80 к.

стоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. (Печатается).

мелинкъ. „Ваятель масокъ“. Переводъ К. Бальмонта. (Печатается).

ининъ. „Право и личность крестья- 96. Цѣна 1 р. 20 к.

П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и ѣна 50 коп.

овятся къ печати слѣдующіе рафической библіотеки.

ій.—Очеркъ жизни и дѣятель- ичъ.

Біограф. очеркъ, нап. Н. Ша-

въ.—Очеркъ жизни и дѣятель- чковымъ.

—Очеркъ жизни и творчества, ъ.